

Бригадир державы

Сергей Шхиян

Царская пленница

2005

Шхиян С.

Царская пленница / С. Шхиян — 2005 — (Бригадир державы)

Он хотел всего лишь съездить на пикник. Но врата времени открылись и забросили его в далекое прошлое. И теперь он не простой российский парень. Он – бригадир державы. В его руках – штурвал истории. В его памяти – будущее России... Роман продолжает серию исторической фантастики «Бригадир державы».

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	22
Глава четвертая	33
Глава пятая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сергей Шхиян

Царская пленница

Глава первая

На Большой Садовой улице в этот час дня было тихо и пустынно. Никаких подозрительных субъектов я не заметил и, обойдя для страховки квартал, нырнул в свои ворота. На счастье, во дворе никого из жильцов или их слуг не было, только на крылечке флигелька сидел мой приятель, беглый солдат Иван, и курил трубку. На мое появление он никак не отреагировал, как будто я отлучался на пятнадцать минут.

– Как здесь, все тихо? – торопливо спросил я, озираясь по сторонам.

– Шуметь не будешь, так и останется, – ответил он, неодобрительно оглядывая меня с головы до ног.

– Иван, что это с тобой? – удивленный таким индифферентным отношением, спросил я. Мы не виделись уже несколько дней, и ему пора было начать беспокоиться о том, куда я исчез.

– Со мной ничего, а вот ты откуда меня знаешь? – подозрительно спросил он.

– Ты что, сдурел! – сердито воскликнул я, начиная подозревать его в какой-то непонятной игре.

Всего час назад я сбежал из Петропавловской крепости, боялся погони, не без основания опасаясь за собственную жизнь, и вдруг меня отказывается признать один из близких людей, на помощь которого я твердо рассчитывал.

– Слушай, парень, – строго сказал Иван, глядя на меня с не меньшим удивлением, чем я на него, – шел бы ты своей дорогой, пока я не дал тебе по шее. Вот тогда не я, а ты сдуреешь.

Его нежелание узнать меня было таким искренним, что я не сразу нашелся, что сказать. Не мог же солдатский мундир, в который я был одет, так изменить мою внешность, что я сделался неузнаваемым.

– Не узнаешь, значит? А ты присмотришься, может быть, все-таки вспомнишь? Мы вроде недавно были друзьями, – рассудительно посоветовал я, беря себя в руки. Ничего похожего на двойную игру в лице солдата заметно не было.

Иван вынул трубку изо рта и внимательно осмотрел меня с ног до головы. У него на лице мелькнула недоуменная гримаса, какая бывает, когда видишь что-то смутно знакомое, но не можешь вспомнить, откуда.

– Неужели я так изменился?

– Голос вроде знакомый, где-то, кажись, такой слышал, а вот личность твою никогда не видел, – осторожно ответил Иван. – Напомни, может, и признаю.

– Я Алексей... Крылов, – представился я, видя, что иначе мы ничего не добьемся друг от друга.

– Кто? – ошарашено переспросил Иван, вставая с крыльца. – Как ты назвался?

Лицо его из удивленного сделалось подозрительным. Он сощурил глаза и будто ненароком пошарил взглядом у меня за спиной, кого-то высматривая.

– Крылов. Собственной персоной... – повторил я снова, но на этот раз, кажется, совсем неубедительно. Дело в том, что вставший на ноги невысокий, как и большинство людей этой эпохи, герой штурма турецкой цитадели Измаил почему-то оказался выше меня ростом!

– Ты, малец, откуда Крылова знаешь? Тебя кто сюда подослал?

Я не сразу ответил, внезапно увидев свою одежду. Каким-то чудом (не иначе как это был фокус моего товарища по заключению, с которым мы час назад бежали из Петропавловской

крепости) вместо солдатской формы на мне оказалась замызганная мещанская поддевка, ветхий кафтанчик с протертой на швах материей и грязно-белые панталоны армейского покроя.

– Все в порядке, это, правда, я, – проговорил я каким-то жалким голосом. Слишком невероятной оказалась такая метаморфоза. – Меня ищут, вот и пришлось поменять внешность.

Иван смотрел на меня, вытаращив глаза. Потом недоверчиво покачал головой.

– Крутишь ты что-то, парень. Хотя в голосе сходство с Крыловым и есть. Если ты говоришь, что ты Крылов, тогда скажи, из какого века ты сюда попал?

– Из двадцать первого. Давай позже будем выяснять, кто я такой! Тогда и вспомним то, что никто кроме нас не может знать, например, про твою невесту Марфу, или как мы дрались с сатанистами! Иван, у нас сейчас на это нет времени. Я сбежал из Петропавловской крепости, и если в Тайной экспедиции известен мой адрес, сюда скоро явится целое войско. Мне нужны деньги и документы, а тебе срочно пора уходить, иначе элементарно заметут и посадят за компанию со мной.

Иван молча слушал, напряженно вглядываясь в мое лицо.

– Ну, что ты стоишь, как столб. Двигайся в темпе! Деньги спрятаны под половицей в нашей комнате. Забери их и ступай в сторону Невского. А я посмотрю, на кого я теперь стал похож, и догоню, – говорил я так тревожно и напористо, что Иван, больше не раздумывая, подчинился и бросился в нашу половину флигеля.

Я же побежал в комнату Антона Ивановича, своего далекого предка, съемщика этого флигеля, вместе с которым мы с Иваном попали в Санкт-Петербург. В его комнате имелось зеркало.

Если мой сосед по заключению, которого я прозвал Алхимик, ставил задачей сделать меня совершенно неузнаваемым, то он в этом более чем преуспел. Я, открыв от изумления рот, разглядывал отражение шуплого шестнадцатилетнего татарчонка. У тарачившегося на меня из зеркала парнишки было скуластое плоское лицо, раскосые глаза, смуглая от загара кожа. К тому же стервец-сокамерник лишил меня не только собственной внешности, он еще оттяпал у меня сорок сантиметров роста.

«Ну, соседушка, ну, учудил! – не зная, радоваться или огорчаться, думал я. – Как же я буду жить с такой внешностью!»

С одной стороны, такая метаморфоза была мне на руку. В Питере я оказался недавно, но, кажется, успел обратить на себя самое пристальное внимание местных «спецслужб», кончившееся для меня заключением в Петропавловскую крепость. К тому же незадолго до ареста у меня состоялась случайная встреча с императором Павлом I.

Признаюсь как на духу, тогда я был сильно навеселе, поэтому говорил с императором без особого почтения и «политеса». Непривыкший к подобному фривольному поведению подданных, самодержец заподозрил меня в крамоле, и эта беседа кончилась для меня задержанием.

Мне тогда удалось убежать из-под стражи, но, зная въедливый характер мнительного царя, можно было не сомневаться, что для поимки опасного вольнодумца он поставит на уши всю полицию, и ориентировки с моим описанием попадут ко всем околоточным.

Получалось, что пока я сидел в крепости по одному уголовному делу, меня ловили в городе по приказанию царя. Оказавшись на свободе, я мог не сомневаться, что меня, в конце концов, поймают если не Тайная экспедиция, то полиция. Так что куда ни кинь, всюду был полный клин. Теперь, став совершенно другим человеком, у меня появился шанс выйти сухим из воды.

Самым обидным было то, что в обоих арестах я оказывался без вины виноватым. Царь заподозрил во мне французского шпиона-революционера, кем я, конечно, не был, а влиятельный чиновник из «спецотдела» тайной экспедиции позарился на мои деньги и пытался сфабриковать против меня политическое дело. На самом же деле, моя вина была только в том, что я незаконными методами пытался спасти свою жену, сидящую под арестом в Зимнем дворце.

Эта длинная и запутанная история вынудила меня приехать в столицу из глубокой провинции, где я весело проводил время в дворянских развлечениях, вроде пиров, любовных приключений и дуэлей. К несчастью, императору всея Руси привиделось, что скромная крестьянская девушка, ставшая моей женой, собирается оспаривать у него российский престол, и эта дурацкая идея фикс разрушила наше семейное счастье. Жену арестовали и повезли в Питер предстать перед строгими государевыми очами, а я бросился ее выручать. Однако теперь, кажется, даже больше чем она, нуждался в защите...

Пока я рассматривал в зеркале подростка, в которого неожиданно превратился, Иван заглянул в комнату, полюбовался, как я таращусь на себя, сказал, что уходит, чему-то засмеялся и убежал, топя сапогами.

Я оставил свое отражение в покое и торопливо пошел в свою комнату, прикидывая, что из самого необходимого можно взять собой. Больше всего мне могло пригодиться оружие, но как его скрыть на таком тщедушном тельце под куцей одеждой, я не представлял. Тем более что, став бедно одетым инородцем, я автоматически переходил в иной социальный статус, в котором носить при себе пистолеты и саблю было нельзя.

Я пошарил глазами по комнате, но не придумал, что еще кроме оружия мне может пригодиться. Все, включая одежду, принадлежало человеку иного класса, и в моем новом статусе было бы только помехой.

Так с пустыми руками и карманами я и вышел из дома.

Ивана во дворе уже не было. Я быстро сбежал с крыльца, но в этот момент во двор влетело несколько верховых военных, а за ними вкатилась черная карета с закрытым верхом, запряженная двумя изрядными каурами жеребцами.

Я остался стоять на месте, как говорят в таких случаях, разинув рот. Мне не хватило всего одной секунды, чтобы разминуться с опасными гостями. Теперь уходить было поздно. Двое верховых остались сторожить ворота, а карета в сопровождении оставшейся охраны подъехала к нашему флигелю.

Лакей ловко спрыгнул с запяток экипажа, откинул ступеньку и открыл легкую дверцу. Из экипажа вышел грузный армейский полковник, а за ним неторопливо спустился мой недавний знакомый, следователь Тайной Экспедиции, надворный советник по имени Сил Силыч. Он-то и был тем самым чиновником, который позарился на мои несуществующие тысячи и пытался раскрутить как государственного преступника.

Несмотря на невысокий чин в табеле о рангах, где надворный советник приравнивается к военному званию подполковника, чувствовалось, что он здесь главный. Полковник и спешившиеся солдаты окружили его и после короткого инструктажа взяли оружие наизготовку. Офицер с двумя капрами поднялись на крыльцо, а остальное воинство заняло позицию по периметру вокруг дома.

По сосредоточенному лицу полковника было заметно, что он немного трусит. Офицер не спешил войти в дом, тянул в сторону открытой двери шею, как будто пытаясь издалека понять, что скрывается в помещении. Потом его взгляд остановился на мне.

Я только что видел себя в зеркале и наглядно представлял, каким теперь являюсь миру – можно было не бояться, что меня вдруг узнают.

Однако внутренне я все-таки напрягся, как будто в низкорослом татарском мальчишке можно было опознать здоровенного детину и «важного государственного преступника».

– Эй, малый, не знаешь, барин дома? – крикнул мне офицер, оттягивая начало операции.

Я изобразил на лице предельную глупость и отрицательно покачал головой. Полковник успокоился, приосанился и кивнул капрам. Те, держа наготове оружие, пошли в дом. Полковник дал им скрыться внутри и только после этого пошел следом.

Все напряженно ждали их возвращения. Что делали эти люди в пустом двухкомнатном флигельке почти пятнадцать минут, остается для меня загадкой и по сей день.

Сил Силыч тоже, как мне показалось, чего-то опасаясь, отошел на безопасное расстояние и переминался с ноги на ногу, нервно потирая руки. Солдаты напряженно держали ружья наизготовку. На меня пока никто не обращал внимания, однако уйти по-английски я не рискнул.

Наконец полковник вышел наружу и громко сказал, что в доме никого нет. Напряжение спало, и оцепление подтянулось к крыльцу.

Момент был подходящий, и я попытался незаметно ретироваться. Мне удалось отойти от общей группы. Я медленно брел к воротам, когда один из солдат с лицом дебила подкрался сзади, подставил мне ножку и толкнул в спину. Я споткнулся и растянулся посредине двора. Немудрящая шутка вызвала общий смех, даже Сил Силыч соизволил улыбнуться.

Упав, я ободрал ладони и здорово рассердился. Особенно на то, что мне помешали уйти. Теперь, сделавшись объектом общего внимания, я был вынужден валять дурака, изображая глупость и непонимание того, что со мной произошло, и этим, кстати, еще больше насмешил солдатню.

Как только я встал на ноги, шутник, воодушевленный своим творческим успехом, решил повторить представление на бис. Мне его задумка совсем не понравилась, и когда он попытался опять подставить мне ножку и толкнуть, я как будто нечаянно ударил его носком сапога по косточке на щиколотке.

Придурок взвыл от боли и бросился на меня с кулаками, припадая на ушибленную ногу. Пришлось от него убегать, прячась за ржущими теперь уже над товарищем солдатами.

Когда страсти немного улеглись, и я превратился вроде как в предмет дворового интерьера, настало время делать ноги. Однако мне опять не повезло. Полковник заметил, что я отхожу в сторону ворот, и решил учинить мне допрос. Он поманил меня пальцем, и когда я приблизился, низко ему кланяясь, спросил:

– Ты чей, холоп?

Я решил использовать свою неславянскую внешность и соскочить на плохое знание русского языка.

– Моя, твоя, хозяин, – ответил я и опять начал кланяться.

Мой лапидарный ответ чем-то не устроил офицера, и он продолжил допрос:

– Как звать хозяина?

– Барина, – после минутного раздумья сообщил я.

– Черт с ним, с нехристом, – прекратил наше словопрение пронизывающий Сил Силыч. –

Начинайте обыск.

Полковник кивнул и в сопровождении тех же капралов вернулся во флигель. Сил Силыч в дом не пошел, а сел в возок.

Я опять попытался отойти в сторону, но один из солдат, взяв меня за плечо, подтолкнул к экипажу и знаком приказал оставаться на месте.

Медлительный полковник опять надолго пропал во флигеле. Когда же он наконец вышел во двор, вид у него был обескураженный. Он спустился с крылечка и подошел к коляске.

– Там, почитай, и вещей-то никаких нет, – сообщил он Сил Силычу. – Только платье, сабля, да пистолеты.

– Деньги должны быть, – скороговоркой сказал следователь. – Он много выигрывал в бильярд, да и с собой целую мошну привез, я наверняка знаю. Чай, плохо искали.

– Помилуйте, Сил Силыч, вы меня не первый день знаете, – обиделся полковник. – У меня на деньги особый нюх. Впрочем, если не верите, сами взгляните.

– Обязательно взгляну, – недовольным голосом сказал следователь и начал кряхтя вылезать из экипажа.

Они вдвоем пошли в дом и опять там застряли. Я сделал еще одну попытку уйти, и опять мне помешал все тот же бдительный солдат. Наконец экспроприаторы вышли из квартиры. Сил Силыч держал в руках мою саблю, завернутую в постельное покрывало.

– Нет, говоришь, ничего? – насмешливо сказал он офицеру. – А ты знаешь, сколько эта сабля стоит? Добрых три тысячи, а на любителя – все пять. Эхма, видать, крупную птицу упустили. Непременно изловить надобно!

Полковник выглядел смущенным и, чтобы сменить тему, спросил:

– А с басурманином что делать?

– Его доставь ко мне домой. Полюбопытствуем, может, он не такой дурак, каким кажется.

Оставаясь в роли, я слов следователя не понял, и интереса к своей судьбе попытался не показать. На этом экспедиция была окончена. Полковник оставил двух солдат в засаде и проинструктировал домовладельца на случай, если я вдруг появлюсь в доме. Тот все это время изнывал в воротах в тревоге и неведении.

О чем они говорили, я не слышал, меня как мешок закинули на круп здоровенного жеребца, за воняющую потом спину шутника-дебила. Он был все еще на меня в обиде и крутился в седле, норовя ударить локтем в живот. Я не стал отвечать, выбрав такую позицию, чтобы его локти меня не доставали.

Полковник, кончив разговор с домохозяином, отдал команду, и мы выехали со двора. Положение мое было самое незавидное. Я мог предвидеть, что со мной может сотворить алчный старикашка, если ему придет в голову, что я лукавлю, и не так прост, каким кажусь. Если меня в статусе дворянина с влиятельными покровителями могли незаконно держать в кандалах, угрожать пытками и, по сути, морить голодом, то что могло ожидать «холопа», да еще «инородца», в стране, где и двести лет спустя произвол властей остается главным средством управления обществом!

Я даже начал всерьез прикидывать, не попытаться ли мне сбросить конника из седла и ускакать на его лошади. Однако было еще светло, эту часть города я не знал, так что с побегом шансов спастись было немного, да и не представилось подходящего момента. Идея была дурацкая, обреченная на провал. Без опыта верховой езды и знания города убежать от профессиональных кавалеристов было просто невозможно. Короче говоря, я решил раньше времени не дергаться и продолжал трястись на крупе лошади, цепляясь за ремень своего недавнего обидчика.

Наша кавалькада двигалась в противоположную от центра города сторону. Я в этом районе еще не бывал. По переговорам солдат, понял, что направляемся мы к Галерной верфи. Вдоль дороги тянулись купеческие подворья с лабазами, какие-то небогатые строения, огороды. Покрутив по боковым улочкам, мы выехали к Неве.

Усадьба следователя находилась в деревне Калинкиной, или как ее назвал сам Сил Силыч, Кальюле, на самом берегу реки, и пряталась за высоченным забором. Мы въехали через мощные, грубо сделанные ворота, пересекли обширный двор, заросший лопухами, и подъехали к дому. Строение напоминало жилище купца средней руки. Срубленный из толстенных бревен, дом ничем не был украшен и выглядел непрезентабельно. Рассмотреть в деталях я его не смог – демонстрировал тупое безразличие, к тому же уже стемнело.

Мне приказали спуститься с лошади, что я с удовольствием исполнил. Сил Силыч вышел из коляски, распрощался с полковником и, ласково мне улыбнувшись, велел идти следом за ним. Я охотно повиновался, демонстрируя тупое послушание.

На крыльцо, нам навстречу, выплыл толстый слуга с изрытым оспой лицом. Повинуясь хозяйскому жесту, он взял меня за плечо и ввел через пустые сени в темный коридор, переходящий в анфиладу небольших комнат.

Дом был практически пуст. Кое-где, правда, попадалась разномастная, ветхая мебель, но выглядела она так, как будто попала сюда случайно и не имеет никакого функционального назначения.

Рябой привел меня в клетушку с одной голой лавкой внутри, втолкнул туда, затворил дверь, запер ее снаружи на засов и, сердито бурча, отправился по своим делам.

Рассматривать здесь было нечего, поэтому я сразу подошел к окну и выглянул наружу. В темной глубине, совсем под нашими стенами, плескалась река. Дом оказался расположен весьма рискованно. Нева в том, что касается частых наводнений, коварная река, и было удивительно, почему хозяин рискнул строиться так близко от воды. Впрочем, это была не моя забота.

Я приложил ухо к дверям. В доме царила гробовая тишина, и до моей каморки не доносилось ни звука. Я сел на лавку и приготовился ждать дальнейшего развития событий. Время шло, но ничего не происходило. Строить планы освобождения с тем минимумом информации, которым я располагал, было бессмысленно. Осталось одно: улечься на голую лавку, закрыть глаза, расслабиться и попытаться уснуть. Тем более что последние сорок восемь часов у меня были насыщены событиями самого разного рода.

После долгих, безуспешных поисков жены, несколько дней назад я смог разжиться хоть какой-то информацией. Мне повезло познакомиться с истопником из Зимнего дворца и узнать у него, что в тайных покоях на верхнем этаже содержится под арестом какая-то женщина простого звания. Особых сомнений, кто это может быть, у меня не было. Пришлось сделать хитрый ход, сыграв на самомнении истопника, с его помощью под видом трубочиста проникнуть в покои, где содержалась узница.

После свидания с женой, и вынужденной попойки с «коллегами» по печному делу, я случайно попался на глаза царю, и тот приказал мне почистить каминную трубу в его кабинете. Во время работы мы разговорились и мое нестандартное поведение в пьяном виде, о чем я уже упоминал, вызвало подозрение императора, не французский ли я жирондист или, того хуже, якобинец. Так назывались в конце XVII века, во время, когда происходили описываемые мной события, политические группировки, бывшие у власти в Париже во время Великой французской революции. Павел так боялся проникновения революционных идей в Россию, что запретил ношение круглых шляп, как символа французской революции, что уж говорить про сами партии.

Заподозрив во мне лазутчика, царь приказал дежурным гвардейцам отвести меня в арестантское помещение. На мое счастье, одним из двух караульных оказался мой приятель и собутыльник унтер-офицер Преображенского полка Афанасьев, который и помог мне бежать.

Однако не успел я «вдохнуть воздух свободы», как меня опоили в трактире какой-то наркотической дрянью, подмешанную в водку, и в бессознательном состоянии бросили в Петропавловку. Инициатором этого ареста был старичок Сил Силыч, к которому я нынче и попал «в гости».

Моего самого слабого места – отсутствия законного права жить в 1799 году, он к счастью не нащупал, начал брать на пушку и раскручивать по схеме хороший – плохой следователь. Его напарник пугал меня криками, угрозами и звериного вида палачом в красной рубахе, а старичок жалел и рассказывал, как дружил с моим «батюшкой», скромным советским инженером, (если говорить все как есть на самом деле), и держал меня в младенчестве на коленях.

Я в свою очередь изображал из себя провинциального лоха, сиречь – недоросля, и в первой партии переиграл старого лиса. Второй тайм приходилось играть сейчас, но в совсем другой форме. Тогда же мне почти чудом удалось вывернуться из цепких ручонки хваткого старикашки.

Соседом по каземату у меня оказался совершенно необыкновенный человек, в котором я заподозрил, по меньшей мере, инопланетянина. Не знаю, за что его держали под арестом, он не только не рассказывал мне о своих делах, но не назвал даже своего имени. «Инопланетянин», или «алхимик», как я его прозвал, каким-то образом сумел раздобыть напильник и спилил наши ножные и ручные кандалы. Потому, когда его попытался забить до смерти караульный наряд, мы оказались со свободными руками, разделались с охраной, похитили их одежду и бежали на свободу.

Глава вторая

Хлопнула дверь. Я мгновенно проснулся. В коморку ввалился тот самый опереточный палач, которого я встречал в пыточной камере Тайной канцелярии. Только теперь одет он был не в красную рубаху и маску, а в обыденное мещанское платье. От перемены одежды «палач» не только не проиграл, а, пожалуй, даже выиграл. Такую образину не скоро забудешь. У него было плоское лицо, равнодушное и тупое, пористый, толстый нос, отвисшая нижняя губа и абсолютно бессмысленные глаза. За «палачом» в комнату втиснулся Сил Силыч.

Я вскочил с лавки и вытаращил на них заспанные глаза.

– Ну, что, басурман, – ласковым голосом обратился ко мне надворный советник, – вспомнил русский язык?

– Урус карош понимамай! – заверил я его, низко кланяясь.

– Ну, коли понимаешь, расскажи про своего барина.

– Хозяин – барин, корош, якши.

– Значит, не хочешь говорить, – грустно промолвил старик. – Что же, это твое дело. Бери его, Микулушка, да попытай по-свойски, а будет молчать, кончи и пусти в речке поплавать...

У меня на душе сделалось муторно. Возможно, Сил Силыч и блефовал, но «Микулушка» вряд ли будет разбираться с тонкостями психологической игры. Тем не менее, я продолжал льстиво улыбаться и кланяться.

Палач протянул свою лапищу и взял меня за плечо.

– Если будет что интересное говорить, кликни, – напутствовал подчиненного следователь.

Еще во время встреч в крепости этот мастодонт казался мне мужчиной весьма внушительным, но теперь, когда я сделался на полметра меньше, Микулушка возвышался надо мной, как Голиаф над Давидом.

– Пошли, что ли, малый, – сказал ровным голосом палач и безо всякого усилия потащил меня за собой. Пройдя в противоположный от моей каморки конец коридора, мы попали в большую комнату, освещенную свечами.

Я хотел осмотреться, но не успел. Микулушка от порога толкнул меня к стене. Я перелетел через всю комнату, и уже чувствуя, что врежусь в бревенчатую стену, вдруг на уровне инстинкта с кошачьей ловкостью вывернулся и удержался на ногах. Никогда раньше у меня не было таких гибких, упругих мускулов и подобной ловкости. Наверное, мозг еще не привык контролировать новое тело, не знал даже его способностей, оно само действовало так, как нужно.

Пока я совершал гимнастические подвиги, палач запер дверь на засов. Потом он повернулся ко мне и начал бубнить:

– Ну, чо, малый, ты, того, осердил их благородие. Нехорошо. Их благородие попытать тебя велели. Нам беспокойства нет, а тебе не лестно. Дело привычное. Ты, малый, скажи, чего они там хотят, а я тебя «чик», ты и не заметишь...

Произнеся такую длинную, содержательную тираду, Микулушка замолчал и заскучал. Лицо у него стало совершенно бессмысленным. Он уставился на меня невидящим взглядом и терпеливо ждал, когда я вникну в его увещевания и расскажу все, что потребно старичку. Скорее всего, садистом он не был, на это у него не хватало эмоциональности. Просто, как говорят в таких случаях в боевиках американские антигерои: «ничего личного, я выполняю свою работу». Уже по тому, как он неохотно разговаривал, было понятно, что возиться со мной ему попросту лень.

Мне стало тоскливо. Рядом с этой горой мышц я чувствовал себя совершенно беспомощным. Скорее всего, посидев для проформы в комнате с полчаса, он свернет мне шею и

отправится докладывать шефу, что ничего от меня не смог добиться. Даже если я начну играть с ним в кошки-мышки, долго продержаться не смогу. Любая моя ошибка, как у сапера, будет первой и последней.

Между тем Микулушка, вздыхая, как умирающая лошадь, тяжело поднялся с лавки, вышел на середину комнаты и, наклонившись, открыл люк в полу.

– Не хочешь, малый, по-хорошему, будет по-плохому, – опять забормотал он.

Я сдвинулся вперед и заглянул в отверзшуюся преисподнюю. Однако ничего кроме ступеней, уходящих в темноту, не разглядел.

– Давай, малый, спускайся, – продолжал монотонно говорить палач, даже не глядя на меня.

Я подошел к люку. Мастодронт протянул лапищу, собираясь схватить меня. Мне это никак не светило – сбросит вниз, окажусь со сломанными конечностями. Я качнулся в сторону и легко от него увернулся. Он удивленно посмотрел на свою ладонь и близоруко прищурился, что я тут же про себя отметил. Похоже, что у него были проблемы со зрением.

– Это ты, малый, нехорошо делаешь, не по совести. Все одно тебе скоро конец, коли их благородие приказали. А как меня осердишь, я тебе большую пытку учиню, так что помрешь во грехе, – опять укоризненно заговорил он. – Тебе не лестно, а мне хлопотно.

Резоны у Микулушки были убедительные, однако полететь в подвал со свернутой шеей у меня желания не было, и я продолжал уворачиваться от его неуклюжих попыток меня поймать. В самый разгар наших игр в дверь постучали.

– И кого нелегкая несет? – посетовал палач и громко спросил: – Кто там?

– Это я, открой, – ответил Сил Сильч.

Микулушка бросился отодвигать засов. Надворный советник в комнату не вошел, а принялся инструктировать помощника в коридоре. Я подошел ближе к приоткрытой двери и слышал весь разговор:

– Ты, Микула, с мальцом не манкируй, ты его хорошо попытай. Я зайду, проверю. А то у тебя в последнее время все больно быстро помирать стали. Поди, лень работать, так ты их зря давишь!

– Так я тут ни при чем, ваше высокородие, они сами мрут.

– Ты у меня поговоришь, долдон, совсем обленился! Я за такую работу не похваляю! Ты мне с басурмана кожу сыми, да так, чтобы живым остался. Мы его посыпем сольцой, он и чего не знает, расскажет. Так что ты, Микулушка, старайся, и я тебя не оставлю.

Дав указания, Сил Сильч удалился. Палач вернулся в комнату и вновь запер дверь.

– Слышал, малый, что ихнее высокородие велели? – вновь забубнил себе под нос мастодонт. – Не повезло тебе, малый. Они, ихее высокородие Сил Сильч, строги-с. Прогневил ты их! Видать, такая твоя судьба. В муках помирать придется. Без кожи, что за жисть. Без кожи не проживешь. Ну, давай, лезь в подвал. Не бойсь, я тебя здесь не трону. Зачем полы-то марать.

– Свет давай, – сказал я, оставив попытки прикидываться не знающим русский язык. – Без света в подвал не полезу.

– Ишь ты, какой упрямый, – пробурчал Микулушка, сделав очередную безуспешную попытку меня поймать. – Будет тебе свет, коли хочешь. Я не без понятия, без света, оно, конечно, не дело.

Он, не торопясь, подошел к полке и снял с нее два свечных фонарика. После этого вытащил из кармана огниво и начал неспешно добывать огонь. Зажигать их от горящих свечей почему-то не стал. Я внимательно наблюдал за его действиями, ожидая подвоха. Когда, наконец, трут разгорелся, он зажег от него свечи и только тогда решил попробовать меня обмануть:

– На, малый, лампадку-то, – сказал он, хитро щуря глаза и протягивая мне фонарь.

– Поставь на пол и отойди к двери, – велел я, не трогаясь с места.

– Ишь ты, басурманин, а ушлый какой, – уважительно признал палач.

Он протопал к двери, оставив светильники на полу около люка. Я взял оба фонаря и сбежал по крутой лестнице в смрадную тьму.

– Ты, бестолковый, зачем обе лампадки забрал? – сердито закричал Микулушка, наклоняясь над люком. Я не стал терять времени на объяснение своего странного поступка и начал спешно исследовать поле предстоящего сражения.

Было похоже на то, что Сил Силыч свое дело знал туго. Пыточная камера была не так театрально устрашающая, как в Петропавловской крепости, но гораздо эффективнее. Чувствовалось, что простаивать ей не давали. Страшные следы совершавшихся здесь преступлений пробрали меня до тошноты. Свет свечных фонарей был тускл и не позволял разглядеть детали, но отрубленная посиневшая кисть руки, лежащая на плахе возле лестницы, давала представление, что здесь творится. Остальное можно было домыслить по трупному запаху.

Относительно небольшой, двадцать – двадцать пять квадратных метров подвал, был тесно заставлен пыточными снарядами. Я не стал отгадывать их назначение и несколько секунд свободы посвятил поискам оружия. Лучик от свечи метался по столам и полу, но ничего подходящего я не увидел. Единственное, что в этой ситуации могло мне пригодиться, был топор, торчащий из плахи.

Я зажмурил глаза и сбросил на пол мертвую кисть, после чего ухватился за длинную рукоятку и рванул ее на себя, но топор, глубоко вогнанный в колоду, даже не шевельнулся. Палач между тем не спеша спускался вниз по лестнице.

– Ишь ты, малый, какой шустрый, куда тебе спешить-то? – осуждающе произнес Микулушка, сходя с последней ступени. – Фонари, говорю, давай, тебе они без надобности.

Я, не обращая на него внимания, боролся с топором. После невероятных усилий, от которых показалось, у меня порвутся на руках мышцы, он начал шевелиться. Однако вытащить его из плахи я не успел.

Палач был уже рядом, и я сделал единственное, что мне оставалось: задул оба фонаря. Мы оказались в полной, абсолютной темноте.

– Ах ты, сволота... – начал говорить Микула, и впервые за все время нашего знакомства в его голосе появились какие-то слабые эмоции.

Далее его речь состояла из бессвязных выкриков, приводить которые из соображений политкорректности я не стану. Пока мастодонт матерился, я сделал несколько шагов в сторону, стараясь не терять ориентацию.

Моя неспровоцированная подлость очень разобидела Микулушку, тем более что теперь ему нужно было возвращаться наверх и опять решать проблему со светом.

Я, не двигаясь, стоял на месте, ожидая, когда мой «визави» освободит плацдарм.

Выпустив пар, мастодонт успокоился и тоже затаился, пытаясь определить, куда я делся. Выдавало его шумное дыхание. Чтобы он не смог меня услышать, я стал дышать в такт с ним. Бесплезно потеряв время, Микулушка сделал несколько попыток поймать меня, пользуясь своим знанием здешней обстановки. Слава Богу, что у него ничего из этого не получилось. Потом он сам же больно ударился обо что-то и разразился проклятиями.

– Иди-ка, малый, сюда, – вдруг прежним сонным, бормочущим голосом попросил он. – А то я ничего не вижу. Ты помоги мне, а я тебя помилую!

Я, понятное дело, никак не откликнулся на такое заманчивое предложение, стоял на прежнем месте, дыша с ним в такт.

Уяснив, что без света меня ему не поймать, палач двинулся к лестнице и начал подниматься вверх. Я тут же бросился к плахе и вцепился в древко топора. Пока Микулушка топал по лестнице, я с силой отчаянья пытался вырвать лезвие топора из крепко державшей его древесины. Мастодонт, между тем, откинул крышку люка, вылез наружу и по глупости не закрыл ее за собой.

В подвал теперь попадало немного света, достаточного для того, чтобы я смог как-то сориентироваться. Сверху топали слоновые ноги палача. Я решил, что он опять станет зажигать свечу от трута, и у меня есть около минуты времени. Появилась возможность хоть как-то обдумать ситуацию. Решение пришло само собой. Плаха была так велика, что я смог забраться на нее и теперь, упершись обеими ногами, сумел, наконец, выдернуть топор.

Сразу мне стало легко и спокойно. Теперь я был вооружен и, вероятно, очень опасен. Оставалось только придумать, как распорядиться своим страшным оружием. При нашей разнице в весе, росте и силе, топор был не более чем козырная шестерка в колоде случайностей. Нужно было усилить свои шансы за счет позиции.

Моего палача нужно было посылать за смертью. Он опять возился с кресалом, трутом, потом долго искал новый светильник. Меня же била нервная дрожь, и не терпелось начать боевые действия.

Я стал прикидывать, как лучше распорядиться подаренным шансом победить. Резонно было залезть на один из пыточных столов и, таким образом уравнивая наши роста, шархануть амбала топором по голове. К сожалению, подходящий стол находился довольно далеко от лестницы, и если Микулушке удастся меня вовремя заметить, то мне не поможет никакой топор.

Любопытно, но никакие гуманно-интеллигентские рассуждения о том, что мы с палачом оба жертвы, не помню чего, то ли общества, то ли обстоятельств, и связаны друг с другом духовно, в эту минуту мне в голову не пришли. Поэтому бросать ему перчатку и вызывать на честный, благородный бой, да еще с поднятым забралом, я не собирался.

В эти страшные минуты ожидания даже фактический убийца Сил Силыч, приказавший подвергнуть страшной пытке совершенно невинного человека, почти ребенка, не вызывал у меня такого порыва ненависти, как это тупое и равнодушное подобие человека. Сейчас Микулушка был реальным, безжалостным врагом, которого нужно уничтожить, поэтому самоанализ, рефлексию и угрызения совести, если они вдруг когда-нибудь у меня появятся, я оставил на потом.

Благодаря медлительности моего оппонента, я успел продумать план действий и начал приводить его в исполнение. Я нашел какую-то дощатую тумбу непонятного назначения и, подтащив ее к лестнице, установил так, чтобы она стояла достаточно близко, но и не бросалась в глаза. Как только Микулушка, управившись с огнем, начал спускаться, я спрятался за нее.

Теперь он воспользовался не свечными фонариками, которые остались здесь, внизу, а смоляным факелом, дававшим не в пример больше света. Факел чадил, шипел плавящейся смолой и еще не совсем разгорелся, когда Микулушка начал спускаться в свою преисподнюю. Почему-то эта тупая скотина полезла в подвал, держа его вверху, над головой. Опустившись на глубину своего роста, он еще надумал прикрыть за собой люк, чтобы мои стоны и крики не обеспокоили их высокородие, господина следователя.

Упускать такую возможность, было бы преступной безответственностью. Поэтому я кардинально изменил план нападения и, забыв осторожность, вскочил на тумбу. Найдя равновесие и твердую опору, я примерился и, широко размахнувшись, ударил наискось, так, как рубят деревья, туда, куда достал топор: по голени гиганта. Не могу припомнить, какого эффекта я ожидал, если вообще у меня были мысли по этому поводу. Скорее всего, в таких ситуациях ждешь только конечного результата, не очень представляя реальных последствий поступка.

Тяжелый, острый как бритва профессиональный топор палача, описал полукруг и столкнулся с препятствием. Раздался треск и хруст. Нога не выдержала удара инструмента и, выпав из штанины, пролетела вниз мимо моего лица. Следом рухнуло тело гиганта, внезапно потерявшее опору. Результат, как говорится, превзошел все мыслимые ожидания.

Еще до конца не осознав, что натворил, я соскочил с тумбы и, подхватив чуть не загоревший факел, выпавший из руки Микулушки, отпрыгнул вглубь подвала. Только теперь я уви-

дел результат своей акции. Палач катался по полу, ревя, как дикий зверь. Из пустой штанины хлестала кровь.

Меня начала бить дрожь. Желудок начал переворачиваться, поднимаясь к горлу. Однако новая опасность отвлекла от излишней драматизации своего спонтанного, негуманного поступка. Микулушка, несмотря на страшную рану, вскочил на здоровую ногу и дотянулся до незамеченной мною до сего момента дубины. Слепленный яростью, видимо еще более сильной, чем боль, он сделал гигантский прыжок на одной ноге, почти настигнув меня.

Я в это время боролся со спазмами в желудке и едва не запоздал. Дубина зашуршала в воздухе и почти достала меня. Только в последний момент мое маленькое гибкое тело инстинктивно успело отклониться. Тяжелая палица потянула гиганта центробежной силой, но он каким-то чудом сумел удержаться в вертикальном положении. Пока мастодонт возвращал телу центр тяжести, я отбежал в самый дальний от него угол подвала.

Все это происходило очень быстро и, скорее всего, на уровне инстинктов. Я, как и моя жертва, находился в шоковом состоянии. Продолжая держать в руке факел, я торчал перед Микулушкой, как городок на площадке. Меня спасала только его неимоверная глупость. Вместо того чтобы бросить в меня дубину, он решил убить меня «собственной рукой». Рыча и сыпя проклятиями, палач опять прыгнул в мою сторону, но я уже немного оклемался и без труда отскочил от него на безопасное расстояние, укрывшись за какой-то дыбой.

Факел, который мне здорово мешал, я бросил, и Микулушка потерял меня из виду. Боль еще не дошла до него по-настоящему, и он сделал последнюю попытку достать меня. Хорошо ориентируясь на своем «рабочем месте», он довольно точно вычислил, где я могу спрятаться. Однако я был начеку и без труда увернулся от его очередной сокрушительной атаки.

Палица, прошуршав в воздухе, с грохотом стукнула по «пресс-ящику», как я назвал про себя клетку с винтом наверху, развалив его на части. После сильнейшего удара гигант опять потерял равновесие, но на этот раз не смог устоять на одной ноге и, как подкошенный, повалился на невидимый, черный пол.

Мне не часто хочется вспоминать несколько следующих минут своей жизни... Однако из песни слов не выкинешь,

Микулушка, ухватившись могучими руками за столбы дыбы и заревев, как раненый зверь, встал на свою здоровую ногу. Мне опять пришлось припадать к вонючему, осклизлому полу. Чтобы покончить с игрой со смертью, я решил лишить своего противника его оружия, вместе с рукой, которая его держала.

Оставив топор, я какой-то палкой, как пикой, двинул его в пах. Удар был «подлый», из-за угла. Пока он ревел от ярости и боли и искал меня взглядом, я вскочил на длинный стол и, выбрав удобный момент, ударил его топором по руке чуть ниже плеча. Монстр заревел, попытался удержаться за свой столб потерянной дланью и рухнул наземь.

Теперь ему было не до мести. Я подобрал притухший факел и убрался в дальний угол подвала. Теперь, когда непосредственная опасность миновала, мои ноги почему-то сделались ватными, а тело била мелкая, противная дрожь.

Микулушка, валяясь на полу, звероподобно выл, периодически выкрикивая нечленораздельные угрозы. Я опустил в кресло, бывшее частью жуткого устройства для дробления пальцев ног, так называемый «испанский сапог», и, заткнув уши, отдыхал, стараясь привести себя в норму. Уйти, пока он продолжает кричать, я не рисковал, не зная, как далеко разносятся звуки в пустом, тихом доме. Не зря же «заплечных дел мастер» каждый раз закрывал за собой крышку люка.

Логичнее всего было бы добить палача топором, но на такой подвиг моего героизма не хватило. Оставалось ждать, пока Микулушка не «отойдет» естественным путем. Через двадцать минут его проклятия начали переходить во всхлипывания и стоны.

Кончилось тем, что душегуб начал скулить. Теперь он не ругался, а унижено просил дать ему «испить водицы». Однако никакого желания облегчить страдания умирающему или перевязать раны страждущему я не испытывал. Причем не столько из опасения попасться ему в руку, сколько видя кругом следы его профессиональной деятельности.

Палач, умирая, умолял то помочь, то позвать священника для исповеди. Чтобы отвлечься от отвратительной сцены, я начал осматривать помещение. Пыточные приспособления были просты в конструкции, надежно сработаны и изощренно жестоки.

Злодей Сил Силыч собрал в этом помещении изобретения самых разных народов. Он отказался от угрожающего антуража, нужного не столько для физического, сколько для психологического давления. Людей здесь ломали технологически грамотно, не оставляя жертвам ни единого шанса выжить.

Так же рационально уничтожались следы пыток и убийств. Тела расчленялись на огромной плахе и в нагруженных камнями рогожных мешках (запас которых был внушителен) топили в реке, выбрасывая в специальную дверку. Дело у Сил Силыча было поставлено на поток.

Чем дольше я находился в этом помещении, тем большую ненависть и отвращение испытывал к благостному старцу – организатору подпольного предприятия смерти. Мне расхотелось бежать, я начал закипать гневом. Возникло непреодолимое желание поставить точку в карьере надворного советника.

Разобравшись в обстановке, я обнаружил, что выбраться из подвала проще простого, нужно только открыть дверцу для сброса в реку замученных и убитых людей и вылезти через нее на волю. Обнаружив путь для отступления, на случай непредвиденных осложнений, я окончательно успокоился. Оставалось дожидаться, когда Микулушка сомлеет от потери крови.

Чтобы отвлечься, я начал придумывать себя занятия: обошел подвал, поднатужившись, открыл дверцу для выброса тел. Послышался плеск воды. Я высунулся наружу. Река оказалась совсем рядом, всего в полуметре от стены. В очередной раз я подивился изобретательности старичка, видимо, пользующегося любым подъемом воды в Неве, для дармовой уборки подвала. От близости реки нестерпимо захотелось выкупаться, смыть с себя кровь, грязь и смрад последних дней. Удержала только мысль о страшных рогожных мешках, лежащих где-то рядом, в глубине.

Было похоже, что мастодонт свое отжил. Он тихо стонал и дышал коротко и прерывисто. Я на всякий случай потыкал его дубиной, очень осторожно и с почтительного расстояния. Микулушка со своей животной силой, даже умирающий был крайне опасен. Он никак на меня не отреагировал, только пробормотал что-то нечленораздельное.

Путь вверх был открыт. Я подобрал потушенный свечной фонарик, запалил его от прогорающего факела и все с тем же топором поднялся по лестнице. Крышка люка оказалась невероятно тяжелой. Пришлось, что было сил, упереться ногами в ступени и толкать ее и руками, и головой, пока она не открылась. В комнате, как я и ожидал, никого не было. «Хитрый» палач намеренно оставил дверь на задвижке, чтобы хозяин не застал его врасплох.

Мне осталось отодвинуть засов и проверить коридор. Он был пуст. Я понадеялся на то, что, для большей секретности, старичок не держит в доме много прислуги. До сих пор я видел только одного слугу – рябого толстяка с прыщавым лицом. Однако рисковать не хотел и на розыски «благодетеля» пошел с предельной осторожностью.

Я вернулся по коридору в противоположный конец здания, где сидел взаперти в коморке. Нашел узкую стационарную лестницу, ведущую вверх. Поднялся по ней на второй этаж и попал в какой-то коридор без окон.

Освещая путь свечным фонарем, я пошел вдоль длинного, широкого коридора. В него выходили закрытые на всяческие замки двери. Только в самом его конце нашлась одна незапертая комната.

Стараясь не скрипнуть петлями, я очень осторожно приоткрыл дверь. В образовавшуюся щель стала видна большая комната, освещенная сумеречным утренним светом.

Сначала я решил, что это нечто вроде склада. Она была заставлена разномастной мебелью, по виду дорогой. Я увеличил щель и просунул голову внутрь. Теперь мне стал виден диван, застеленный какими-то тряпками, и предметы мужской одежды, разбросанные по стульям и креслам.

Я проскользнул внутрь и только тогда разглядел два канделябра утыканых горящими свечами. Они стояли на большом письменном столе. Сам стол был украшен вычурной серебряной чернильницей в виде средневекового европейского города, массивным глобусом и статуэткой летящего ангела.

Перед ним, спинкой к дверям, высилось большое резное кресло, в котором кто-то сидел – была видна рука лежащая на подлокотнике.

Я прокрался вперед, скрываясь за креслом, и увидел на краю стола свою обнаженную саблю. Их благородие титулярный советник Сил Сильч, склонив лысую, с седым венчиком волос голову, через большую лупу рассматривал украшавшие ножны самоцветные камни. Он так увлекся изучением новоприобретенного сокровища, что опомнился только тогда, когда я взял со стола оружие.

Старик вздрогнул от неожиданности, но самообладания не потерял, только бросил на меня из-за плеча быстрый, косой взгляд. Потом повернулся так, что оказался лицом ко мне

– Якши ятаган, бала, – сказал он на ломанном татарском языке и хорошо, по-доброму улыбнулся.

Я поразился такой выдержке и усилил, как говорится, бдительность.

– Абсолютно с вами согласен, уважаемый аксакал, вещь действительно редкая, возможно уникальная, настоящий индийский булат, времен первых крестовых походов, а то и того старее.

Такого поворота событий Сил Сильч не ожидал. Глаза его вспыхнули, как будто в них полыхнул отсвет канделябров. Однако он тут же взял себя в руки и с дробным старческим смешком спросил:

– Так ты понимаешь русскую речь? Вот и молодцом. А как там мой Микула, вы же, кажется, были вместе?

– С Микулушкой, Сил Сильч, вышла промашка. Приказал вам долго жить.

Глаза следователя опять на миг вышли из-под его контроля и полыхнули холодной, беспощадной яростью. Я невольно отступил назад, подумав, что он бросится на меня. Однако старик сумел взять себя в руки и заискивающе, ласково мне улыбнулся, как своему любимому начальнику. Особой нужды в этом не было. Я стоял с окровавленным топором в левой и обнаженной саблей в правой руке и смотрел на него без особого восторга и благоговения.

– Преставился, говоришь? Бог ему судья. Очень плохим был человеком. Я его сам боялся! Зверем был, чистым зверем был покойник! Ну, что ж, собаке собачья смерть! – старик явно не до конца врубился в ситуацию и продолжал парить мне мозги по старой, накатанной схеме. – А ты, значит, теперь здесь! Молодцом! Ты мне сразу понравился. Что ж, думаю, мы сможем поладить.

– Я в этом не уверен, – усомнился я, стараясь говорить так же, как и он, просто, без аффектации.

– Почему же? Паренек ты смысленный, поможешь мне найти Крылова, я сделаю тебе хороший паспорт, и гуляй на все четыре стороны. А захочешь, к себе возьму служить, помогу получить классный чин. Глядишь, дворянином станешь, а то и того выше, графом! Будешь на золотой карете ездить, чего лучше!

– А зачем вам так понадобился Крылов?

– Тебе пока этого не понять.

– Объясните, может, и пойму. Нам теперь спешить некуда. Сами же вы, Сил Силыч, сказали, что я смышленный.

У следователя дрогнули веки. При мне его никто не называл по имени-отчеству, он это помнил и сразу отметил мою непонятную осведомленность.

– А откуда ты знаешь мое прозвание?

– Как же, – с плохо скрытой насмешкой ответил я, – вы человек известный, надворный советник, без пяти минут – князь!

– Ты мальчик, как я погляжу, не так-то прост. И, думаю, не тот за кого себя выдаешь...

– Вы собирались рассказать, зачем вам так понадобился Крылов, – вернулся я к прерванному разговору.

– Он очень опасный человек, – таинственным тоном сказал старик. – Опаснейший! Убийца! Народа погубил – тьму. Сирот ножом на куски резал! А денег награбил, не меряно! Вот я и хотел отчизне службу сослужить, – добавил следователь, приметив, что я не очень поверил в его страшилку. – Мне самому-то, много ли нужно? Хлеба корочку, да кашки тарелочку. Для деток малых стараюсь, чтобы, как призовет меня Господь, с голоду не опухли, по миру с сумой не побирались!

Старик так расчувствовался, что пустил натуральную слезу, и тут же смущенно вытер щеки руками.

– Жена, значит, детки малые? – посочувствовал я. – На молочко не хватает?

– Истинная правда. Ох, как бедуем! Не каждый день маковую росинку во рту держим!

– Значит, деток нечем кормить? – прервал я прочувственную тираду. – А люди говорят, что вы бобыль. Деток, выходит, на стороне прижили?

– Что ты, мальчик, понимаешь, деньги всем нужны: и малым и старым! Я смолоду много лиха натерпелся, в обносках ходил, сухой коркой питался!

– Так ведь это когда было, а сейчас уже есть, поди, лишняя копеечка? Вот пошарю по вашим закромам, может, что и сыщется. А коли не найду – тогда и посочувствую. Только, думаю, у вас не только на молочишко, но и на водочку найдется! – провоцировал я прижимистого старичка.

Удар по святому он воспринял неожиданно нервозно. Оказалось, что и у него есть Ахиллесова пята:

– Ты не посмеешь! – неожиданно закричал Сил Силыч, мечась взглядом по комнате. – Гляди, обидишь сироту, тебя Бог накажет! Будешь гореть в геенне огненной! Мне не денег, мне тебя жалко! Погубишь душу на веки вечные!

– Ну, с Богом я как-нибудь вопрос решу, – успокоил я заботливого старичка.

– Не богохульствуй, неразумный! – зашпешил, захлебываясь словами, старичок. – Чужое брать смертный грех! За это ответ держать придется. Ваш басурманский бог тоже, поди, за воровство не похвалит. Увидишь, заставят тебя черти лизать каленые сковородки! Тогда вспомнишь меня! Кровавыми слезами зальешься! Зачем, скажешь, обокрал я немошного, благородного старца. Покаешься, да только поздно будет! Коли хочешь душу спасти, ступай себе с миром. Я тебя не знаю, ты меня...

– Дело в том, что я-то тебя, как раз и знаю, благородный старец. Только что из твоего подвала вылез. Вот и хочу у тебя спросить, сколько ты там людей замучил и убил?

– Мучил! – неожиданно легко согласился Сил Силыч, которому не изменила быстрота реакции. – Но не корысти ради, а чтобы они в муках искупили грехи свои и очищенными предстали перед Господом нашим! Перед ликом его Пречистым! Для их же блага, во имя спасения души!

– Вот и я помогу тебе предстать перед Создателем или Сатаной в муках, нищим и чистым, – пообещал я.

Старик не выдержал и дернулся было в мою сторону, но, увидев нацеленное в грудь острое клинка, откачнулся назад. Лицемерить больше не имело смысла, и лицо его сделалось угрожающе угрюмым. Однако последнюю попытку околпачить юнца он еще предпринял. Следователь отодвинул кресло, вышел из-за стола и встал передо мной, гордо приподняв голову.

– И ты, грязный басурманин, дерзнешь поднять руку на русского дворянина, государева слугу!

Выплюнув мне в лицо оскорбительную тираду, Сил Силыч, в ожидании смиренного отступления, грозно подбоченился левой рукой, а правую незаметно засунул в карман шлафрока. По выражению моего лица титулярный советник понял, что руку на него я непременно подниму, он опустил плечи и немного отступил назад.

– А расскажи, благородный старец, что ты знаешь про девку, что держат взаперти в царских покоях? – неожиданно для следователя, да и для себя самого, спросил я.

– Ты откуда про ту девку знаешь? – прищурился старый лис, по привычке возвращаясь к своей профессиональной роли. – Никто ее уже не держит, еще третьего дня удавили.

Меня эти слова оглушили, глаза будто застлала пелена.

Мудрый старик, словно дожидаясь такого момента, выхватил из кармана шлафрока короткоствольный пистолет с взведенным курком и прицелился мне в грудь.

– Удавили твою девку по государеву приказу! А по-моему, тебе конец! – пронзительно воскликнул он.

Мне повезло в том, что надворный советник, как и многие эгоцентрики и злодеи, последнее слово хотел непременно оставить за собой. Пока он договорил приговор, пока нажал на спусковой крючок, пока ударились друг о друга кремни и вспыхнул на полке порох, я успел одновременно сделать несколько дел: сконцентрироваться, ткнуть в противника саблей и вернуться от пули, бросившись на пол.

Раздался негромкий выстрел. Что-то рвануло меня за плечо. Запахло серой.

Падая, я отбросил топор, но саблю сумел удержать. Еще не коснувшись пола, каким-то образом извернулся, оттолкнулся от него свободной рукой и начал подниматься на ноги.

Все произошло так быстро, что Сил Силыч, кроме как выстрелить, больше ничего не успел предпринять. Он по-прежнему стоял на том же месте, с дымящимся пистолетом в вытянутой руке. Вид у него был какой-то оторопелый, словно он не чаял увидеть меня в живых. Потом он поднял левую руку к груди. Шлафрок начал окрашиваться красным. Было похоже, что я все-таки достал его острием клинка.

Обретя устойчивость, я пошел на следователя. Надворный советник, не отрывая от меня взгляда, протянул руку к столу.

Я не стал дожидаться, когда он нашарит в ящике новое оружие, и бросился вперед. Однако Сил Силыч успел-таки выхватить пистолет и начал его поднимать. Предупреждая его попытку выстрелить, я взмахнул саблей. Кажется, его задело клинком, но он никак на это не отреагировал. Смотрел в глаза, и ствол уже был направлен точно мне в живот.

Этот мерзавец настолько никому не доверял, что везде держал заряженные пистолеты с взведенными курками! Положение складывалось катастрофическое.

Падать или пытаться отскочить было поздно. В любом случае, второй раз такой фокус у меня не пройдет, тем более что старик глядел на меня совершенно обезумевшими от ненависти глазами.

Я же смотрел на его указательный палец, который, начав сгибаться на спусковом крючке, отмерял последние мгновения моей жизни. Время как будто остановилось...

Вдруг, непонятно почему, Сил Силыч мне низко поклонился. Причем голова его при этом, совершенно непостижимо, почему-то с глухим стуком упала к моим ногам и покатилась по полу. Из обрубленной шеи вверх ударил фонтанчик крови, обезглавленное тело пошатнулось и начало мягко оседать на пол.

В первую секунду до меня даже не дошло, что случилось. Это было как в сюрреалистическом кошмаре, у человека вдруг сама собой отвалилась голова! Инстинктивно, чтобы не запачкаться в крови, я отскочил в сторону. Только после этого понял, что удар сабли достиг цели, и я нечаянно отрубил человеческую голову.

«Сейчас меня начнет рвать», – отстранено подумал я. Однако ничего с моим желудком не произошло. Признаюсь, как на духу, эта невыносимая жестокость меня в тот момент даже не расстроила. Появилось скорее чувство удовлетворения, что удалось наказать еще одно исчадие ада.

Позже, по прошествии времени, мне пришла в голову мысль, что в разговор с титулярным советником я вступил только для того, чтобы найти повод для выполнения смертного приговора. Ударить в спину безоружного старика, даже такого вурдалака, я был не в состоянии.

Теперь, когда все произошло при самозащите, угрызений совести можно было не бояться. Да и не было времени заниматься самокопанием. Меня больше волновало, сказал ли старик правду об Але, или соврал. Следователь был дьявольски умен и хитер и, скорее всего, блефовал. Но вдруг это все-таки правда!

Я постарался взять себя в руки. Раскисать было нельзя ни в коем случае. Неизвестно, что еще могло случиться со мной в этом доме. Чтобы успокоиться, я сел за стол и налил себе красного вина в стакан покойного. Поднимая его, чуть не уронил из одеревеневших пальцев и понял, что ранен. Вспомнил, как после выстрела что-то больно ударило в плечо. Пришлось отставить стакан и снять с себя кафтан и рубашку. Из разодранной мышцы хлынула кровь. Рана была небольшая, сквозная, но болезненная и неприятная. Пуля прошла трицепс, на выходе разворотив мышцу.

Сразу же стал вопрос о стерилизации. Зажав рану рукой, я начал шарить по буфетам и комодам в поисках чего-нибудь спиртосодержащего. Сухое красное вино для этой цели не годилось. Сил Силыч оказался почти трезвенником.

Зато все емкости в комнатной мебели оказались заполненными деньгами разного достоинства, ювелирными украшениями и драгоценной утварью. Я старался не думать, сколько людских жизней погубил этот вурдалак, чтобы награть такие сокровища.

Наконец мне попалось то, что я искал – французский коньяк в хрустальной бутылке тонкой работы. Я вынул притертую пробку и плеснул себе на плечо благородную ароматную жидкость. Потом разрезал на бинты чистую хозяйскую рубашку, смочил их коньяком, еще раз продезинфицировал рану и наложил тугую повязку. Боль была адская. У меня даже закружилась голова. Похоже было на то, что малокалиберная пуля не только пробил мышцу, но и задела кость.

Окончив медицинские процедуры, я принялся за поиски подходящего платья. Моя перепачканная кровью одежда неминуемо привлекла бы ко мне повышенное внимание. Искать неизвестно что в чужом доме – дело неблагоприятное. Я быстро утомился и начал взбадривать себя коньяком. От всех этих передраг, голода и потери крови меня тошнило, и сильно кружилась голова. Короче говоря, я был, конечно, живее обоих своих противников, но не так чтобы очень.

Коньяк оказался так хорош, что в закуске не нуждался. Это было кстати, потому что в комнате ее и не оказалось. С сожалением отставив бутылку, чтобы банальным образом не опьянеть, я продолжил поиски.

Кроме денег и драгоценностей иногда мне попадалась одежда, но все из той же категории драгоценностей: парча, бархат, отделанные золотом и камнями придворные мундиры и женские платья в жемчугах и брильянтах.

В конце концов, мне все-таки повезло. Я отыскал затерявшийся между шитыми золотом екатерининскими мундирами донельзя заношенный сюртук моды времен Елизаветы Петровны. Он был мне широк, но вполне гармонировал со старыми солдатскими штанами.

Теперь я был вполне экипирован, но случилась другая напасть: от выпитого на голодный желудок коньяка, меня совсем развезло. Наступило состояние блаженной расслабухи. Никуда не хотелось уходить, голод и боль в плече притупились. Теперь даже обезглавленное тело титулярного советника престало вызывать неприятные чувства.

– Ну что? – спросил я молчаливого хозяина сокровищ. – Покрыть тебя царскими одежками? Может быть, на том свете тебе и пригодятся!

Сил Силыч не ответил, а я, пьяно ухмыляясь, набросил на тело покрывало, украшенное императорскими вензелями.

Однако умом я понимал, что промедление, как говаривал Владимир Ильич Ленин, «смерти подобно», и заставлял себя не смотреть в сторону заветной бутылки и сосредоточено собираться. Машинально подчиняясь раннему плану, я завернул саблю в тряпки, в которые превратилась рубаха следователя, а его маленький пистолет засунул за пояс.

Потом я вспомнил, что у меня совсем нет денег. Не удержавшись и выпив для укрепления духа еще одну рюмку коньяка, я опять полез в ящики комодов.

Покойный Сил Силыч был большим аккуратистом. Все его сокровища хранились в идеальном порядке. Деньги были сосчитаны и разложены по достоинству купюр. Я выбрал самые толстые пачки белых сторублевок, рассовал их по карманам, потом, рассудив, что денег много не бывает, положил, сколько поместилось, еще и за пазуху. Подумав, прихватил еще горстку золотых и серебряных монет.

Несмотря на то, что кафтан был широким, от такого богатства его неприлично раздуло. Нужно было искать какой-нибудь мешок. Ничего подходящего не нашлось, пришлось оторвать подкладку придворного камзола и приспособить ее под «сидор». Зато теперь я смотрелся типичным нищим странником.

По– хорошему, оставлять свои следы на месте преступления не следовало. Какими бы гадами ни были покойные, они находились на государственной службе. Связать мое присутствие в доме титулярного советника, чему свидетелями была целая следственная команда во главе с полковником, с убийством хозяина было несложно. К тому же меня знали в лицо полковник и солдаты караула, и это могло повлечь весьма неприятные последствия. Самым разумным было бы сжечь дом со всем его содержимым. Но, как всегда, человек силен задним умом. К тому же очередная рюмка коньяка не способствовала остроте разума и быстроте соображения.

Единственное, на что у меня все-таки хватило ума, это уйти из дома через подвал. Вылезая через сакраментальную дверцу наружу к реке, я порядком промочил штаны.

Глава третья

Снаружи было уже светло. Я шел кромкой берега в направлении города. Не считая того, что я вымок и замерз, побег проходил успешно. Никто меня не преследовал, в округе было сонно и тихо, не лаяли даже собаки.

Вскоре я вышел к какой-то городской окраине и попал на тихую улочку с плохонькими домишками. Действие спиртного постепенно проходило, и на душе у меня стало совсем мерзко. Про Алю я старался не думать, чтобы совсем не расклеиться. Силы постепенно оставляли меня. Пройдя в направлении центра города еще с полверсты, я почувствовал, что нахожусь уже на пределе, и зашел в первый попавшийся постоялый двор.

Хозяину, сонному господину лет сорока, в поношенном дворянском платье, мой вид не понравился, и на просьбу о комнате он пренебрежительно хмыкнул. Пришлось поковыряться в кармане и выудить оттуда монету. Вид серебра смягчил суровое сердце, и помещение тут же нашлось. Это был темный чуланчик со щелястой дверью и символическим запором. Заплатить пришлось вперед. Я спросил еду и свечу и, наконец, смог сесть и расслабиться.

Накормили меня холодной телятиной, подовым хлебом и кружкой молока. Прежде чем лечь спать, я укрепил дверной крючок, который ничего не стоило открыть снаружи кончиком ножа. Предосторожность оказалась не лишней. Несколько раз сквозь сон я слышал за дверями какую-то возню. Выбивать дверь незваные гости не решились, а справиться с моим запором не смогли.

Весь день я то спал, то находился в полубомбочном состоянии. Раненое плечо тупо и нудно болело, периодически его дергало и щемило. Поднялась температура. Меня то знобило, то бросало в жар. Несколько раз в течение дня в комнату заходила интересная, полнеющая женщина с волевым лицом. Она спрашивала, как я себя чувствую – внимательно смотрела мне в лицо и, не прощаясь, исчезала. Вечером зашел хозяин. Я видел его утром, тогда он был невыспавшийся, хмурый и растрепанный. Теперь выглядел совсем по-иному, был аккуратно одет и совсем не походил на содержателя маленького придорожного постоялого двора.

– Ты кто таков? – спросил он, когда я приподнял голову с влажной от пота подушки.

– Путник, – лаконично ответил я. Вести длинные беседы у меня не было ни сил, ни желания.

– Твои деньги за постой кончились, – строго произнес он. – Плати или убирайся вон. Мне не нужно, чтобы ты здесь окочурился.

Я не стал спорить, вытащил из-под подушки тощий кошелек и дал ему золотой рубль, маленькую тонкую монетку, выпущенную в обращение нынешним императором. Вид золота зажег алчный блеск в глазах трактирщика. Он облизал губы, взял двумя пальцами монетку и попробовал на зуб.

– Коли у тебя есть деньги, то могу предоставить тебе комнату лучше этой, – сказал он. – Только платить придется втрое против прежнего.

– Это сколько? – спросил я, понимая, что и так уже сильно переплачиваю за скромные удобства, которые мне здесь предложили.

– По рублю за день, – быстро проговорил он.

– Нет, – твердо отказался я, – это для меня дорого. Если хочешь, бери рубль за два дня.

– Два за три дня! – начал торговаться он.

Для меня в нынешней ситуации такие суммы ничего значили, но ради порядка и для того, чтобы не создалось впечатление, будто у меня шальные деньги, уступать было нельзя.

– Или плати – или убирайся! – уперся трактирщик.

– Хорошо, ухожу, – согласился я, не сомневаясь, что хозяин не упустит выгодного клиента, и сделал вид, будто собираюсь подняться с постели.

– Ты, никак, хворый? – спросил он так, как будто до этого момента не видел, в каком состоянии я нахожусь. – Ладно, пусть будет по-твоему, рубль за два дня!

– Сначала посмотрю комнату, – упрямо сказал я, – тогда решу.

Трактирщик согласился, позвал полового, и они помогли мне дойти до моего нового номера. Эта комната была пристойная, даже с кроватью и столом.

– Подходит, – одобрил я помещение. – Сейчас принесу свои вещи.

– Половой сбегает, – решил за меня трактирщик.

– Нет, – чуть резче, чем нужно было, сказал я. – Сам принесу!

Хозяин удивленно посмотрел, но ничего не сказал. Я, покачиваясь от слабости, сходил в свою прежнюю каморку и еле поднял «сидор» с деньгами и замотанную в рубашку Сил Силыча саблю. Дотащил все это до нового номера и свалил в сундук, стоящий рядом с кроватью, после чего закрыл его крышкой.

– Принеси горячей воды, мыло и шайку, – приказал я половому.

Теперь, поменяв комнаты, я повысил свой статус, и половой, замызганный парень в поддевке, без пререканий отправился выполнять приказание. Пересилив слабость и встав с постели, я немного взбодрился.

Поэтому когда принесли теплую воду, я помылся и поменял повязки на ране. Против ожидания, она уже начала подживать. Я еще не знал, сохранились ли у меня после перемены внешности экстрасенсорные способности, проявившиеся после того, как я попал из своего XXI в нынешний XVIII век. Этот необычный и случайный талант помог мне выжить в новой реальности и даже вполне комфортно существовать на собственные заработки от медицинской практики.

Приведя себя в порядок, я вновь улегся и постель и начал самолечение. По первым ощущениям, после того, как я биологическим полем руки стал прогревать рану, с ней начало происходить что-то непонятное. Плечо вначале не просто заболело, его начало печь изнутри, так, как будто в рану вставили раскаленный гвоздь. Я терпел, сколько мог, и только когда больше выдерживать не удалось, убрал руку. Однако было уже поздно, сознание помутилось, и я провалился то ли в глубокий сон, то ли в беспомыслие.

Когда я очнулся, дело близилось к вечеру. Как ни странно, плечо почти не болело, так что я для пробы даже рискнул приподнять руку над одеялом. Только тогда, когда мышцы напряглись, рана дала о себе знать.

Я опять расслабился и лежал, бездумно глядя в потолок, стараясь не вспоминать ни о чем негативном. Сил на борьбу с напастьями, которые с завидной регулярностью последнее время валялись мне на голову, у меня пока не было.

Неожиданно дверь в номер раскрылась, и ко мне без стука вошла женщина, та же, что заходила раньше и справлялась о здоровье. Я рассмотрел, что у нее красивое породистое лицо, умные глаза и волевые складки около губ.

Что ей было нужно от меня, я не знал. Она уже несколько раз забредала ко мне, спрашивала, как я себя чувствую, после чего по несколько минут молча стояла около дверей. В этот раз она со мной не поздоровалась, смотрела с какой-то внутренней тревогой, потом, так ничего и не сказав, ушла.

Предположить, что я ей внезапно понравился, было не совсем уместно – у нас с ней была слишком большая разница в возрасте. Для материнского же интереса я, напротив, был слишком взрослым. Пока я был болен и слаб, меня это не интересовало, теперь, когда мне стало легче, такое необычное поведение заинтериговало.

– Вы, наверное, хозяйка? – спросил я, после того как она опять застыла в дверях.

Женщина вздрогнула и, расширив глаза, несколько секунд боролась с желанием заговорить, потом вдруг быстро вышла за дверь.

«Что это с ней такое?» – подумал я. Хозяин и эта женщина, скорее всего, его жена, никак не вписывались в интерьер скромного постоялого двора. Они больше походили на пару небогатых чиновников, чем на обычных трактирщиков. «Наверное, выгнали со службы, – решил я, – вот они и открыли свое дело».

При том, что окружающее вызывало у меня какой-то подспудный интерес, я периодически находился в том состоянии, когда свое, внутреннее, доминирует над всеми внешними факторами, и все то, что происходит вокруг, кажется пустячным и не имеющим для тебя особого значения. Это было положение между жизнью и смертью, когда можно пойти на поправку или, напротив, сдаться и отказаться от борьбы за свою жизнь.

Скорее всего, пуля Сил Силыча, прострелившая мне плечо, оказалась отравленной, и теперь организм боролся за выживание. Периоды активности и относительного выздоровления сменялись упадком, когда все начинало казаться пустячным и ничего не значащим. То же было и с моим отношением к незваной гостье, которая, вдруг появляясь, привлекала к себе внимание, потом переставала восприниматься и делалась едва ли не предметом интерьера, таким же неинтересным, как чужая мебель в случайной комнате.

К ночи я опять расклеился – поднялась температура, и меня начало знобить. Я свернулся калачиком под одеялом и пытался согреться.

На самолечение сил не было. У меня не хватило даже энергии запереться, хотя мысль об этом несколько раз приходила в голову.

Кончилось все это странным происшествием. Сознание было затуманенное, как в полудреме, когда еще не заснул, но уже и не бодрствуешь. Вдруг дверь в номер начала медленно открываться. Я услышал легкий скрип и попытался разглядеть, что происходит. В темном проеме показался силуэт.

– Кто вы? – спросил я сдавленным шепотом, пытаясь проснуться.

Мне не ответили. Темная фигура, неслышно ступая, подошла к кровати. «Это мне снится, – подумал я, – нужно проснуться». Однако сон продолжался. Послышалось шуршание одежды, и в темноте я разглядел белое женское тело.

– Ты болен, милый, тебе холодно, – прошептала гостья, – я тебя согрею.

Женщина присела на край широкой кровати и легла ко мне под одеяло. Я почувствовал мягкое тело с прохладной кожей.

– Кто вы? – вновь прошептал я, не понимая, сон это или явь.

– Неважно, я хочу тебе помочь.

Гостья обняла меня и прижалась. Она была совсем без одежды, и я, как бы сквозь сон, почувствовал запах молока и свежего хлеба.

– Вы хозяйка? – опять спросил я, не понимая, что собственно происходит.

– Молчи, – тихо ответила гостья, дыша мне в самое ухо. – Тебе скоро будет хорошо.

Я, честное слово, не понял, что она имеет в виду. Заниматься любовью в том состоянии, в котором я пребывал, было весьма проблематично. Что иного «хорошего» от ее пребывания в моей постели может быть, не представлял. Однако ничего другого, как ждать развития событий, мне не оставалось. К тому же мне не до конца было понятно, во сне это все происходит, или наяву.

Прижимаясь к женскому телу, я инстинктивно начал его ласкать, поглаживая самые заманчивые места, но ночная гостья остановила мои руки. Сделала она это не грубо, а как-то необидно, почти дружески.

– Спи, я тебя согрею, – произнесла она, как и раньше дыша в самое ухо.

Я внутренне успокоился и, прижавшись к ней, уснул. Что было дальше, не помню. Проснулся я, когда в комнату заглядывало солнце. Простыни подо мной были влажные от пота, но голова ясная и свежая. Температуры не было и в помине. Я был слаб, но почти здоров.

Гости, если она приходила на самом деле, а не приснилась, в комнате не было. Я вылез из-под одеяла и оделся. Мои сокровища лежали в сундуке для платья, там, куда я их вчера положил. Я вышел из номера и отправился в общую залу, где пока не было ни одного посетителя. Половой, который приносил мне вчера воду для умывания, дремал в углу, положив голову на грязную, залитую вином скатерть. Я тронул его за плечо, и когда он испугано вскочил, уставившись на меня застывшими глазами, попросил принести горячей воды и завтрак.

– Ага, счас, – пообещал он, как мне показалось, не зная, как ко мне обращаться, то ли «господин», то ли «парень» – я занимал дорогой номер, но выглядел точно таким же нищим, каким был он. – Тебе вина лучше или молока?

– Принеси мне молока и хлеба, – попросил я. – А кто такая женщина, которая здесь ходит?

– Где ходит? – удивился половой, оглядываясь по сторонам.

– Я ее вчера видел, такая высокая, полная.

– А, – протянул парень, – вот ты о ком. Это сестра хозяина, она немного не в себе. Раньше барыней была, а теперь тут живет.

– Почему она не в себе?

– Не знаю, может, ее родимчик хватил?

– Какой «родимчик»? – удивился я.

– Не знаю, – ответил половой. – Мало ли что в жизни бывает!

Я вспомнил способность многих своих соотечественников употреблять непонятные слова безо всякого смысла. Родимчик – это припадок с судорогами который бывает у рожениц и младенцев. Однако я сделал еще одну попытку понять, что он такое сказал:

– Она что, недавно рожала?

– Кто рожал? – удивился парень.

– Сестра хозяина.

– Это мне не ведомо, я здесь недавно.

– Ладно, неси еду, – попросил я, понимая, что чем дольше мы будем говорить, тем больше разговор будет вязнуть в непонимании друг друга. Половой принес заказ, я дал ему медную монету на чай и остался в одиночестве. Заняться было решительно нечем, оставалось только выздоравливать. Позавтракав, я приободрился еще больше и вышел из своего номера посмотреть, куда я, собственно, попал.

В общей зале постоялого двора посетителей еще не было. Был он меблирован тяжелыми, невысокого калибра и примитивной работы столами и широкими лавками вместо стульев. Не встретив никого из местной обслуги, я прошел во внутренний двор с парой сараев и несколькими коровами, щиплющими чахлую травку у дальнего забора. Не увидев ничего примечательного, я вернулся в свою комнату и прилег на кровать.

Тут же в голову полезли самые скверные мысли. Кроме непрекращающегося беспокойства об Але, меня волновала и собственная судьба. Документов у меня не было. Я был ранен, об этом знали или догадывались хозяева заведения, и могли сдать меня полиции. Я же, пока не окрепну, не смогу убраться подальше от этих мест.

В Питере в это время жило порядка двухсот двадцати тысяч человек. По нашим меркам, это совсем немного. Конечно, не все были на виду друг у друга, но и возможность затеряться в людском море была небольшая. Если начнется скандал в связи с убийством Сил Силыча и его подручного, полиция вполне может заинтересоваться раненым человеком, оказавшимся в беспомощном состоянии невдалеке от места преступления.

Судя по теперешнему самочувствию, возможности убраться с этого постоялого двора раньше завтрашнего дня у меня не было. Так что необходимо было простоять еще день и продержаться ночь, а там будет видно.

Невеселые раздумья прервал приход хозяина. Он явился за очередным траншем за постой. Когда он вошел, я встал ему навстречу.

– Ты, как погляжу, поздоровел? – спросил он без особого восторга.

– Да.

– Я за платой.

– Почему так рано? – удивился я. – Я вчера с тобой рассчитался за два дня,

– Здесь тобой интересовались, – неопределенно усмехаясь, сказал он. – Спрашивали паспорт, подорожную...

Это было явное вранье, видное, как говорится, невооруженным глазом.

– Нужно было ко мне привести, я бы показал, – равнодушным голосом ответил я.

– Так у тебя что, есть бумаги?

– А как же! Как бы я без подорожной въехал в город?

– Ты разве не беглый?

– Шутишь! Я, между прочим, Хасбулат-удалой! – зачем-то соврал я, вспомнив слова популярной народной песни

– Ты – удалой? – не поверил хозяин. – Мне-то все равно, но я уже заплатил, чтобы тебя не трогали, кто мне деньги вернет?

Я хотел было сказать, что это его, а не моя проблема, но решил не ссориться и дать вожделенный рубль.

– Ладно, – примирительно сказал я, – заплачу тебе вперед.

Я полез в карман и вытащил несколько маленьких монет. Судьба на этот раз была ко мне неблагосклонна, все они оказались золотыми. У хозяина, понятное дело, при виде желтого металла, глаза вылезли из орбит, он приниженно принял плату и сразу же удалился из комнаты.

«Все равно завтра съеду», – оптимистично успокоил я себя. Теперь, когда начали возвращаться силы, я уже не чувствовал себя таким, как вчера, беззащитным.

Минут через десять после визита хозяина появилась его сестра. Она, как и прежде, вошла без стука, но, застав меня на ногах, смутилась и первой поздоровалась.

– Здравствуй, малый, – сказала она, слегка покраснев. – Вижу, ты уже встал?

– Здравствуйте, сударыня, – ответил я на приличном русском языке, давая понять вежливым, но светским приветствием, что тоже принадлежу к «сливкам общества». – Рад и вас наблюдать в добром здравии!

До этого случая мы почти не разговаривали, только обменивались односложными вопросами, и то, что я повел почти «светский разговор», окончательно загнало тетку в ступор.

– Так ты по-нашему разумеешь? – только и нашлась спросить она.

– Почему бы и нет?

Разговор у нас явно не складывался. Не пойму, что ее так смутило – возможно, опасение, что я разглашу подробности нашего ночного randevu. Если, конечно, оно было.

– Проходите, садитесь, – пригласил я, указывая на единственный в номере стул.

Я подумал, что она откажется, но она кивнула и села. Говорить нам было не о чем, но сидеть одному в четырех стенах слишком скучно, и я воспользовался возможностью поболтать с представительницей прекрасного пола.

– Нынче по утрам стало уже свежо, – для затравки завел я разговор о погоде.

– Да, свежо, – как эхо откликнулась она.

– Вы прекрасно выглядите, вам говорили, что вы настоящая писаная красавица? – с натугой перешел я на другую тему. Получилось у меня это не очень ловко, даже пошловато, особенно учитывая мой нынешний юный вид.

Женщина так удивилась моим комплиментам, что ничего не смогла ответить, просто открыла рот.

– Мы еще не знакомы, – продолжил я, – позвольте представиться, меня зовут Хасбулат.

– Марья Ивановна, – машинально ответила она, продолжая смотреть на меня во все глаза.
– Капитанская дочь? – поинтересовался я, вспомнив одноименную повесть и имя-отчество героини Пушкина.

– Нет, бригадирская, – поправила она. – А ты... вы кем будете?

– Так, по делам путешествую. Да вот занедужил в дороге.

Марья Ивановна сочувственно вздохнула, но было видно, думала совсем о другом.

– Ты бы, милый, шел бы отсюда. Долго ли до греха...

Я внимательно смотрел ей в лицо. Теперь многое из ее поведения делалось понятно. Она не просто спала со мной, она меня, скорее всего, от чего-то спасала.

– Понятно, – сказал я, отвечая не на ее слова, а на свои мысли. – Спасибо, Марья Ивановна!

Однако не только уйти, но и собраться это сделать я не успел. Дверь в номер широко распахнулась. В комнату влетел хозяин с красным от гнева лицом. За его спиной маячили два мужика, одетые в извозчицьи армяки.

– Тебе кто позволял по номерам шляться! – закричал он на сестру. – Убирайся к себе!

Женщина вскочила со стула и отступила вглубь комнаты.

– Не нужно, Поликарп Иванович, – просительно сказала она. – О душе подумай!

Однако хозяин ни о чем таком думать не собирался. Он был так зол, что с трудом удерживался от ругани и рукоприкладства.

– К себе! – кратко приказал он, гоняя по скулам желваки и сжимая кулаки. – Не твоего бабьего ума дело!

Я почувствовал, что семейная ссора вот-вот перерастет в нечто большее, и вмешался:

– Выйдите из моего номера! – громко сказал я ломающимся мальчишеским голосом.

От неожиданности хозяин на мгновение остолбенел, потом загрохотал, срывая зло на мне:

– Я тебя, басурман удалой, сейчас как собаку убью! Ты мне, пес смердящий, перечить будешь! Да ты знаешь, с кем говоришь!

Он мотнул головой помощникам и двинулся на меня. Те, мешая, друг другу протиснулись в комнату, и сразу в ней стало тесно. Я отскочил назад к кровати и выхватил из-под подушки пистолет.

– Вон отсюда! – закричал я, взводя курок.

– Да я тебя! – начал было Поликарп Иванович, но я прицелился ему прямо в лоб, и он замолчал на полуслове. Его помощники собрались броситься на меня, но я опередил их, закричав:

– Еще шаг, и стреляю!

Они нерешительно остановились, не слыша приказа хозяина.

– Вели им убраться отсюда, или тебе конец! – продолжил я, глядя в упор в полыхнувшие испугом глаза Поликарпа.

Тот понял, что я не шучу, и приказал:

– Оставьте нас!

Мужики послушно вышли, притворив за собой дверь.

– Марья, иди к себе! – снизив накал, опять приказал хозяин.

– Нет, – твердо ответила женщина. – Не будет по-твоему.

– Вам отсюда все равно не выбраться, – с ненавистью глядя то на сестру, то на меня, пообещал он, – подохнете здесь, как крысы.

– Лучше умру, но по-твоему все равно не будет! – упрямо сказала женщина звенящим голосом.

– Ладно! Родную кровь на безродного басурмана променяла! – не отводя взгляда от нацеленного в лоб пистолета, прошипел Поликарп Иванович, отступая к выходу. – Будь ты трижды проклята.

Хозяин толкнул дверь спиной и выскочил за порог.

Марья Ивановна, обессилив от нервного порыва, опустилась на корточки там, где стояла, и тихо заплакала, прикрывая глаза кончиками платка.

– Не нужно, – попытался я успокоить ее, – все будет хорошо! Как-нибудь выкрутимся.

– Нет, – сказала Марья Ивановна, промокнув последние слезинки, – ничего не поделаешь, придется погибать. Брат за деньги никого не пощадит.

– Это мы еще посмотрим.

– У тебя в пистолете всего один заряд. Он пошлет кого-нибудь из своих разбойников под пулю, и вся недолга. А дальше... – она не досказала, только горько вздохнула и перекрестились.

Мысль была, по меньшей мере, здравая и заставила меня заспешить. Первым делом я запер дверь на засов. Она открывалась наружу, так что внезапно выбить ее у нападающих не получится, придется выламывать, а это потребует времени. Следующее, что я сделал, это вынул из сундука саблю и освободил ее от тряпок. Несмотря на слабость, которая меня еще не оставила, с таким оружием продержаться было можно.

– А ты, Хасбулат, как я погляжу тоже не простого звания, – удивленно сказала Марья Ивановна, рассматривая мой арсенал. – Пистолет аглицкий, сабля турецкая.

– Индийская, – машинально поправил я, думая, чем еще можно задержать нападающих. – У брата много людей?

– Сам-друг шестеро, – ответила она.

– Тогда давай придвинем к дверям стол, чтобы, если ее выломают, не сразу сюда ворвались.

Марья Ивановна кивнула и помогла подтащить стол к дверям. После перенесенного ранения и высокой температуры я был совсем слаб и не справился бы без ее помощи. Когда приготовления были кончены, мы сели: я на кровать, женщина на стул.

– Как же получилось, что бригадирский сын сделался разбойником? – спросил я.

– Обычное дело, – ответила она, – как батюшка, а вслед за ним матушка преставились, начал играть Поликарп в карты и кости и все имение наше просадил, даже мое приданое. Он вообще-то не злой, только играет неудачливо. Сначала все свои деньги проиграл, потом казенные, попал под суд. В каторгу его не послали, но от службы уволили. Вот братец и придумал постоянный двор держать...

Дальше было ясно и без объяснений, однако она продолжила говорить о наболевшем:

– Набрал себе помощников, один другого хуже. Когда сюда попадают бедолаги, вроде тебя, без роду и племени, или купцы с товаром и деньгами, они и губят души. Последнее время даже коробейниками не брезгают...

– Понятно, – сказал я, думая, что предпринять дальше: не сидеть же нам без еды и воды в долгой осаде, ожидая неизвестно чего. – Ночью в окно вылезем, здесь невысоко, – сказал я Марье Ивановне.

– Он, Поликарп, умный, сторожей на ночь поставит. Да и куда мне от него деваться? Одна с голоду помру. Видно, отжила свое, пора и честь знать.

– Ну, это глупости, что-нибудь придумаем, я помогу тебе устроиться. Тебе сколько лет?

– Старая уже, скоро третий десяток разменяю, – грустно сказала Марья Ивановна. – Осенью двадцать восемь исполнится.

– Так ты моложе меня, – сказал я, забыв о своей юной внешности. – Мне уже тридцать.

– Как так тридцать? – поразилась Марья Ивановна. – Ты по виду совсем несмышленьш, я думала, тебе и половины от тридцати нет!

– Это у нас в Хасбулатии климат такой, все моложе выглядим, чем есть на самом деле.

– Так что же я, выходит, со взрослым мужем спала! – совершенно неожиданно воскликнула она и залилась краской стыда.

– Так ведь ничего же не было! – успокоил я.

– Это на мне грех! Я думала младенца спасаю! – взволнованно заговорила Марья Ивановна. – Так вот за что меня дева Мария карает!

– Глупости, – оборвал я совершенно неуместные в такой обстановке сетования. – За такие грехи не карают, а награждают. Считай, что ты сегодня ночью спасла невинную душу.

– Какая же у тебя душа, коли ты в Христа не веруешь!

– Бог у всех один, как его ни назови, во что ни верь, главное не греш!

Однако она не приняла мои резоны и продолжала переживать свое «грехопадение». Мне надоело слушать стенания, и я заговорил о другом. Постепенно Марья Ивановна успокоилась и немного рассказала о самом своем дорогом, о детстве, том времени, когда еще были живы родители, и любезный братец не пустил ее по миру и не втянул в разбойничий вертеп.

Родители у Марьи Ивановны были не знатны и не богаты, отец, выходец из солдатских детей, дослужился до бригадира, промежуточного звания между полковником и генерал-майором, упраздненного нынешним императором. Вместе с тем за верную службу царю и отечеству ему кое-что удалось скопить и оставить сыну и дочери кроме дворянского звания небольшое состояние. Умер он после ранения, полученного в Турецкую войну 1787 года, когда сыну было семнадцать, а дочери шестнадцать лет. Мать ненадолго пережила мужа, и дети остались сиротами.

К Марье Ивановне сваталось несколько женихов, с одним уже все было сговорено, но брак расстроился из-за исчезнувшего приданного, проигранного братом. Потом он и сам лишился службы и, чтобы не умереть с голода, брат и сестра на последние деньги открыли постоянный двор, который мог дать возможность безбедно существовать, если бы не пагубная страсть Поликарпа к игре.

О технологии душегубства женщина почти ничего не знала, могла только догадываться. Случалось обычно так: поселялся постоялец вечером, а утром от него и следа не оставалось, брат же после этого завеивался по игорным притонам.

Грустный рассказ меня утомил, и я прилег на постель.

– Простите, мне нужно немного отдохнуть, – сказал я, – потом придумаю, как нам отсюда выбраться.

– Ничего не получится, – покачала головой Марья Ивановна. – Нам от Поликарпа не уйти.

Я не стал спорить, лежал на кровати, пытаюсь расслабиться. Голова немного кружилась, но, в остальном, самочувствие было приличное. Что делать дальше, я пока не знал. Наш постоянный двор находился на незначительной параллельной дороге, ведущей в сторону центра из Царского Села. Поликарп Иванович нарочно выбрал такое место, от которого до ближайших соседей было не докричаться, так что ни на какую помощь извне рассчитывать не стоило.

– Марья Ивановна, а какое у них есть оружие? – спросил я, имея в виду брата-разбойника с товарищами.

– Кистени, наверно, – неуверенно ответила она, – ножи видела, у брата еще есть ружье.

– Со двора на большую дорогу мы сможем пройти?

– На задах, за нашим подворьем, есть лаз на пустырь, оттуда можно попасть на соседнюю улицу. Только зря все это, нам нипочем из дома не выбраться.

– Ну, вдруг получится, – неопределенно сказал я, догадавшись, как можно будет отвлечь внимание караульных и миновать засаду. – В городе мы сможем найти убежище?

– У нас тетка, матушкина сестрица, живет на Васильевском острове.

В этот момент нашу содержательную беседу прервал громкий стук в дверь.

– Марья, слышишь? Это я, – послышался громкий голос хозяина. – Выходите, не то плохо будет!

– Покайся, пока не поздно, Поликарпушка! – ответила Марья Ивановна. – Смирись, да покайся в грехах. Пусть Хасбулат идет с богом, а мы с тобой поладим. Подумай о наших родителях, каково им с того света на твои грехи смотреть!

– Так и я о том, – обрадовался братец, – мне в твоём басурманине интереса нет, я его и пальцем не трону. Пусть отдаст пистолет и убирается!

– Может быть, и правда, выйдем? – вопросительно обратилась ко мне Марья Ивановна. – Вдруг Господь его вразумил?

– Это вряд ли, – негромко сказал я. – Скажи ему, что мы подумаем.

– Поликарпушка, мы подумаем, – повторила она за мной.

– Думайте, да не задумывайтесь! – сердито крикнул хозяин. – А то велю дверь сломать!

– Первая пуля твоя! – громко пообещал я.

– Так у тебя второй-то и нет!

– А ты зайди, проверь!

За дверями замолчали, потом стало слышно, как разбойники переговариваются между собой, но слов было не разобрать.

– Ладно, думайте, только меня не сердите! Ты, Машка, знаешь, каков я в гневе! – пообещал хозяин, и нас оставили в покое.

Сидеть целый день взаперти без пищи и, главное, воды, да еще без санитарно-технических удобств, было не очень удобно. Правда, у нас на двоих была ночная ваза, но пользоваться ею в моем присутствии скромной девушке будет весьма сложно.

– Расскажите-ка мне, Марья Ивановна, о расположении дома. У вас нет здесь случайно подземного хода или хотя бы подвала?

– Какой там ход, у нас даже подполья нет, копнешь ямку, а там вода стоит.

– Жаль.

Говорить нам было больше не о чем, и я занялся самолечением. Женщина с интересом наблюдала за моими «пассажами», потом спросила:

– Ты это что такое делаешь?

– Плечо лечу, – не вдаваясь в подробности, ответил я.

После каждого такого сеанса мое самочувствие улучшалось, но сил на это уходило очень много. Когда я, мокрый от пота, уронив руки вдоль тела, лежал на кровати, Марья Ивановна присела рядом и отерла мне лицо полотенцем.

– Куда уж тебе воевать, тоже выискался, Аника-воин!

– Сейчас станет легче, – пообещал я, начиная испытывать волнение от ее близкого присутствия.

Не скажу, что Марья Ивановна очень мне нравилась, но в моем теперешнем возрасте это не имело особого значения. Один женский запах мог вдохновить на подвиг.

Она же, не подозревая о начинающих будоражить меня желаниях, как на грех, придвинулась еще ближе и начала поправлять подушку, касаясь меня своей мягкой грудью. Я слегка отодвинул голову, так что ей теперь, чтобы дотянуться до дальнего края подушки, пришлось привалиться к моей груди.

– Ты, что это? – удивленно спросила женщина, когда я совершенно инстинктивно, не предполагая ничего заранее, обнял ее за плечи и прижал к себе.

– Так, ничего, – ответил я сквозь зубы, уже не в силах разжать руки.

– Хасбулатка, отпусти! – попросила она, поглядев мне прямо в глаза.

От мути, которую она, наверное, увидела в них, взгляд ее стал испуганным.

– Отпусти, не балуй, – опять попросила она, но уже не так уверенно, как раньше. – Грех это.

Однако меня уже заклинило, и руки не разжимались. Даже недавняя слабость была не помехой.

– Да, конечно, – пообещал я, продолжая удерживать ее.

– Грех это, – сказала женщина с какой-то безвольной обреченностью, как будто все, что должно было произойти, уже решено. – Потом сам жалеть будешь!

Ох, нельзя разговаривать с жаждущими мужчинами таким тоном! Кто же в такой момент думает о последствиях?

– Все будет хорошо, – опрометчиво обещал я, пытаясь поймать ее губы.

– Машка! Выходи! – потребовал из-за двери братец, прерывая наши отношения на самом интересном моменте.

– А ну, иди отсюда! – нервно закричал я. – На каторгу хочешь, мерзавец!

Марья Ивановна, не ожидавшая от меня такой неожиданной прыти и резкости, отшатнулась в сторону. Видимо, мой юный вид никак не вязался с командирским тоном.

– Выходи, пожалеешь! – откликнулся Поликарп.

В дверь ударили чем-то тяжелым, так что она даже загнулась.

– Ломайте! – приказал кому-то хозяин.

Застучали топоры.

Вместо того, чтобы выворачивать ее наружу, разбойники начали рубить филенку. Колотили они рьяно, но пока без особого успеха. Однако рано или поздно дверь все равно должна была развалиться. Нужно было на что-то решиться. Сеанс самолечения и, возможно, внезапно вспыхнувшая страсть почти вернули мне силы.

Я подошел к окну и выглянул во двор. Там нас поджидали двое крепких мужиков в городском мещанском платье. Они стояли не под окнами, а метрах в тридцати от дома. Увидев меня, закричали и начали угрожающе размахивать руками.

– Уходим через окно, – сказал я Марье Ивановне.

– Как так? – испугалась она, выглядывая следом за мной наружу. – Там же Ганька с Митькой!

– Бери мешок и прыгай за мной, – приказал я, заставляя ее взять мой «сидор» с деньгами. – Ничего не бойся, я с ними справлюсь!

Примеряясь к ударам топоров в дверь, я тяжелым стулом вышиб окно во двор.

Ганька с Митькой бросились к дому.

Я легко соскочил с подоконника во двор и навел пистолет на подбегающих противников. Они, уверенные в своем превосходстве, не озаботились даже запастись оружием.

– Бей его! – закричал один из них и кинулся прямо вперед.

Хлопнул негромкий выстрел. Разбойник споткнулся на бегу и, как бы задумчиво, остановился в пяти шагах от меня.

Второй, еще не поняв, что произошло, бросился на меня и напоролся горлом на острие клинка. Благородная сталь насквозь прошла сквозь мягкое тело, и разбойник, насаживаясь на смертоносный клинок, практически достал меня своим кулаком.

– Маша, быстрее! – закричал я, оглядываясь на дом.

Она выбросила наружу мешок с деньгами и неловко протискивалась через узкое для нее окно. Я вернулся ей помочь, машинально отмечая белизну кожи ее голых ног.

– Бежим! – закричал я, выдергивая женщину из узкого проема.

Путаясь в длинной юбке, она бросилась через двор к дальнему забору. Я, прихватив забытый ею на земле «сидор», побежал следом.

Внутри дома продолжали грохотать топоры – кажется, там ничего не услышали. После нервного порыва я боялся резкого спада, но ничего подобного не случилось, бежал я очень резво. Драться с оставшимися четверьмя вооруженными топорами и ружьем разбойниками желания не было никакого.

Мы беспрепятственно достигли плетня, окружавшего постоялый двор, и перебрались сквозь лаз на пустырь, поросший высокой травой. До ближайшего дома было метров триста.

Я всучил мешок Марье Ивановне и как мог быстро пошел к видневшейся невдалеке дороге. Погони за нами до сих пор не было, видимо, дверь в комнату оказалась крепкой и еще не поддавалась усилиям нападавших.

Глава четвертая

Тётка Марьи Ивановны жила на Васильевском острове, недалеко от Смоленского кладбища. Мы благополучно перебрались через Неву в районе Галерного маяка, расплатились с лодочником и оказались на 26-ой линии, Запал побега у меня уже прошел, и я с трудом поспе-вал за своей спутницей. Марья Ивановна, вначале полная решимости противостоять брату, начала скисать, трусить и все время убыстряла шаг.

– Боюсь я Поликарпа, – заговорила она, когда мы подходили к Смоленскому полю. – Найдет он нас у тетушки!

– Давай остановимся на каком-нибудь постоялом дворе, – предложил я.

– Ты, Хасбулат, брата не знаешь! Он теперь нас так не оставит. На дне моря сыщет!

Спорить с ней и успокаивать у меня не было ни сил, ни желания, к тому же она была права. Особого опасения ее Поликарп у меня не вызывал, но и лезть просто так на рожон было просто глупо.

– Давай снимем квартиру, – предложил я.

– Как мы ее нанимать будем?! Я в домашнем сарафане, а ты одет и того хуже. Враз молва до брата пойдет.

– Это не проблема, зайдем в одежду лавку или в портняжную мастерскую и купим новую одежду, – предложил я.

– Там, поди, даром не дадут, а хорошее платье больших денег стоит! Санкт-Петербург – это не ваша Хасбулатия!

– Да ладно, пошли, там разберемся, – легкомысленно сказал я, не обижаясь на ее сто-личный снобизм.

Однако особенно далеко уйти у нас не получилось. На Большом проспекте, куда мы свернули, было многолюдно, и странная парочка начала привлекать внимание. Ободранный татарский князек в грязных русских солдатских штанах, с разукрашенной драгоценными камнями восточной саблей на золотой перевязи, вызывал шуточки, которые могли плохо для нас кончиться. Пришлось укрыться в первой встреченной немецкой мануфактурной лавке.

Заведение оказалось не для бедных, и хотя покупателей кроме нас там не было, русский приказчик встретил нас без восторга.

– Куда прешь, олух? – поинтересовался он, загораживая мне вход в торговый зал.

Я поглядел на него снизу вверх со всем высокомерием, на которое только был способен, и приказал:

– Поддай-ка, братец, даме кресло!

Приказчик вначале опешил от такой наглости, но покосился на хозяина-немца, спешащего из глубины магазина, переломил законное возмущение и вместо того, чтобы вышвырнуть нас вон, вежливо, но со скрытым сарказмом, пригласил:

– Проходите, ваши сиятельства!

Мы с Марьей Ивановной не стали чиниться и прошли.

– Гутен абенд, – поздоровался я с немцем на его родном языке. – Вы имеете готовое платье?

– Добрый вечер! – ответил немец. – О да, мы имеем все, что вам может заблагорассудиться!

– Зер гут! – порадовал я его следующим выражением на его диалекте, после чего перешел на родной. – Моей фрау нужен новый гардероб.

– Пожалуйста, проходите! Ваша дама будет одета как пуппхен, – засуетился хозяин, игнорируя наш непрезентабельный вид.

– Как куколку ее одевать не нужно, – возразил я. – У фрау фатер генерал, и одеть ее нужно как тохтер генерала.

– О, мой господин, это будет стоить много денег! Если господину будет угодно, то фрау будет одета как дочь оберста, виноват, полковника, это будет стоить меньше денег.

– Пусть будет, так как я сказал, – не удержавшись от понтов, небрежно бросил я, – деньги у нас есть.

– Яволь, мой господин! – вытянулся по-военному хозяин.

Тут же из недр дома была вызвана фрау и потащила растерянную Марью Ивановну в примерочную комнату, а я вальяжно расселся в кресле, в которое не успела сесть моя спутница.

– Мой господин тоже имеет желание поменять свое платье?

– Вы думаете, стоит? – спросил я так, как будто такая мысль просто не приходила мне в голову. – Пожалуй, если у вас найдется что-нибудь подходящее.

Немец пришел в восторг от моей сговорчивости и лично взялся одевать меня. Спешить нам с Марьей Ивановной было некуда, и до темноты мы пробыли в магазине, где нам подгоняли по фигурам подобранную, уже сшитую на кого-то одежду. Когда, наконец, мы из оборванцев превратились во вполне пристойную пару небогатых горожан, настало время расчета. Я уединился на некоторое время вместе со своим сидором, вынул из него нужную сумму в четырехста рублей и легко расчелся с хозяином магазина сторублевыми ассигнациями. Бедный немец, видимо до конца не веривший в мою кредитоспособность, готов был стукнуть себя по лбу, что по-настоящему не раскрутил таких выгодных покупателей.

подавая мне сорок рублей сдачи, он провожал их таким жалостливым взглядом, что я решил воспользоваться ситуацией и прикупить на эти деньги еще один комплект женской одежды, для своей младшей сестры. Мысль попробовать поменять свою внешность с помощью женского платья появилась тогда, когда я увидел, как, надев новое платье, неузнаваемо переменялась моя спутница.

Поняв, что я хочу, хозяин просиял и принялся навязывать мне целую гору платьев. Однако я быстро его укоротил и потребовал одно скромное платье, летний салоп и головной платок. Марья Ивановна удивленно смотрела, как я прикидываю на себя приобретаемую одежду.

– У тебя, Хасбулат, никак есть сестра? – спросила она при первой возможности, когда мы остались одни.

– Это я для себя, – объяснил я, – переоденусь женщиной, и нас никто не найдет.

– Право! А тебе не зазорно род менять?

– Чего же в этом зазорного?

– Не знаю, только мне сомнительно...

Когда торги, наконец, закончились, хозяин магазина спросил, куда нам прислать покупки. Пришлось соврать, что мы только сегодня приехали и еще не устроились с жильем. Дошлый немец тут же предложил свои рекомендации в «один зер гут пансион», который содержит его земляк-баварец. Мы согласились воспользоваться его протекцией, и расчувствовавшийся владелец магазина пригласил нас отужинать. Это было более чем кстати. Искать ресторан в такое позднее время было проблематично. Павел Петрович, император и самодержец, для здоровья нации ввел суровый распорядок дня – после десяти часов вечера всем его подданным полагалось ложиться спать.

Оттянувшись с голодухи на жирной свиной колбасе с тушеной капустой, мы распрощались с симпатичной парой предпринимателей. Один из служащих магазина добыл нам крытый экипаж, и мы поехали в меблированные комнаты. Несмотря на пять тысяч фонарей освещавших Санкт-Петербург в 1799 году, улицы были темны и пустынно. Наши номера находились недалеко, на 4-ой линии того же Васильевского острова. Основные застройки линий острова

пришлись на царствование Александра I, пока же домов здесь было немного, и они не теснили друг друга в привычной городской сутолоке.

Наемная карета подвезла нас к пансиону херра Липпгарта около девяти часов вечера. До комендантского часа времени оставалось немного, и кучер спешил. Мы выгрузились и остались стоять на улице против входа в номера. Марья Ивановна, утомленная побегом, событиями дня, долгим шопингом и непривычной насыщенностью жизни, находилась в заторможенном состоянии и могла только послушно подчиняться. Оставив ее сторожить вещи, я громко постучал во входную дверь. Через минуту она открылась, и из дома выглянул немчик с круглым лицом и обширной лысиной. Я объяснил ему, чего хочу, и передал записку от владельца магазина.

– О! – вскричал он, – вы есть друзья дорогого херра Шульца! Прошу проходить в этот дом, я буду представлять вас фрау Липпгарт!

С воцарением Павла Петровича и началом его реформ, количество жителей в столице заметно уменьшилось – русским людям не очень нравилось ходить строем и испытывать непонятные ограничения; соответственно упали цены и спрос на жилье, владельцы недвижимости терпели убытки, и потому каждый новый жилец был в радость.

Любезный и подчеркнуто предупредительный немец ввел нас в чистенькую прихожую. Потом он куда-то убежал и вернулся с хозяйкой пансиона. После прочтения записки от Шульца, она приняла нас, как самых дорогих гостей. Нам отвели вполне пристойные комнаты, и мы сразу легли спать.

Утром я разработал примерный план действий. Первым делом мне нужно было долечиться, а потом опять проникнуть в Зимний дворец и узнать, что на самом деле случилось с Алей.

После завтрака я пошел в немецкую аптеку купить все необходимое для лечения.

Провизор плохо говорил по-русски, и мои скромные познания в его родном языке пролили бальзам на нордическую душу. Я, как мог, объяснил, чем болен. Аптекарь скрупулезно выспросил симптомы болезни и предложил бальзам для заживления ран, по виду и запаху напоминающий мазь Вишневского. Еще я купил хлопчатой бумаги, то бишь обыкновенной ваты, корпии – нащипанных из ткани ниток, используемых почти до двадцатого века как бинты, склянку спирта и порекомендованные аптекарем сборы трав против повышенной температуры и воспалений, и лекарство для восстановления крови.

Когда я вернулся в пансион, Марья Ивановна уже встала и выглядела вполне бодрой и довольной жизнью. Новая, приличная одежда примирила ее с неудобствами потери крова и разбойника-брата. Она активно общалась с хозяйкой, и обе женщины превозносили замечательные качества херра Шульца, единственного их общего знакомого. Я включился в общий разговор и между делом рассказал придуманную историю своих отношений с Марьей Ивановной. Сама героиня рассказа слушала мои бредни с большим интересом и уточняющими замечаниями несколько раз едва не провалила весь рассказ.

Я представился сыном татарского князя (мирзы), приехавшим поступать в открывающуюся медицинскую академию. По пути в столицу я заехал в имение отцовского кунака, отца Марьи Ивановны, вместе с которым мой фатер воевал против турок.

Оказалось, что старик генерал умер, а коварные родственники обворовали сироту и лишили ее всего состояния. Я попытался ей помочь, но мое заступничество кончилось тем, что нам пришлось бежать в Петербург искать правды и защиты у государя.

По дороге нас ограбили разбойники, и в столицу мы явились едва ли не в рубище. Единственное, что удалось сохранить, это оружие и деньги.

Такой душещипательный рассказ вполне удовлетворил сердобольную романтическую фрау и объяснил наше странное содружество.

После всей дневной суеты меня опять начало лихорадить. Поэтому остаток дня я провел в своей комнате. Об экспедиции в Зимний дворец не могло быть и речи, пришлось заняться

врачеванием ран. Самодельные бинты, которые я последний раз менял незадолго до побега, намертво приклеились к плечу, и отодрать их было целой проблемой. Зато после перевязки мне стало значительно легче, и я почувствовал себя практически здоровым.

На утро я был как огурчик: вернулись, как говорится, твердый разум, энергия и предприимчивость. Первым делом я пошел на Андреевский рынок и купил в секонд-хенде подержанную дворцовую ливрею. Чтобы не шастать в ней по всему городу, я запаковал ее в холщовый мешок и отправился в район Зимнего дворца. Там, побродив по окрестностям, я снял в аренду в доходном доме на Мойке недорогую комнатуху. Дом был населен темными, как мне показалось, личностями, хозяева не интересовались жильцами и не совали нос в чужие дела.

В своей комнате я переоделся в ливрею и превратился в мальчика-слугу из дворца. В таком виде, зная дорогу, попасть в Зимний дворец не составило никакого труда. Когда я проходил внутрь, охрана не повела в мою сторону даже глазом.

Однако внутри я запутался в переходах и долго плутал по бесконечным коридорам, пока, наконец, не увидел знакомую лестницу. После этого безо всякого труда нашел нужные покои, в которых несколько дней назад содержали мою жену. Охраны при входе, как и прошлый раз, не было. Не мудрствуя лукаво и даже не придумав правдоподобную версию своему визиту, я постучался и открыл заветную дверь. За ней оказалась пустая комната со знакомой мебелью. Стол, за которым раньше караульные офицеры играли в карты, стоял на старом месте, а их самих, увы, не было. Я пошел дальше. Никаких следов недавнего пребывания узницы здесь не осталось. Даже воощенный паркет успел запылиться.

С четверть часа я удрученно простоял у кресла, на котором недавно сидела моя любимая. Верить в самое худшее было немислимо. Казалось, вот-вот сейчас все разъяснится. Но покои были пусты, и никаких тайных знаков, которые могла оставить только она, я не увидел.

Пытаясь сбросить одурь отчаянья, я начал лихорадочно соображать, что мне делать дальше. Чтобы не рехнуться окончательно, нужно было срочно добыть информацию. Вот только где? Не идти же напрямую к Павлу и выяснять у него, что он приказал сделать с бедной девочкой. Я подошел к окну и уставился на темную воду Невы. Начали наваливаться усталость и безнадежность. Впервые я подумал, что, может быть, следователь сказал правду. Если с Алей случилось страшное, это разрушит весь мой здешний мир, и все потеряет смысл...

Безо всякой опаски, больше ни на кого не обращая внимания, я отправился в обратный путь. Жить не хотелось, и все стало постылым. И тут едва не случилось то, что могло изменить всю отечественную историю. Навстречу мне по коридору своей своеобразной походкой шел русский император, маленький, некрасивый человек, тиран и первое лицо всего христианского мира. Он мог своими полками раздавить французскую революцию, он мог приказать убить невинную, девочку, он мог... Единственно, чего он не мог, это остановить меня.

При приближении Курносого, дворцовая челядь, как тараканы, разбегалась по щелям. Я машинально подчинился стадному чувству и оказался один в темной нише за мраморной статуей какого-то римского императора. Стоял, прижавшись спиной к стене, и думал о своем. Вдруг император Павел, барон Пален, граф римской империи Безбородко и еще несколько незнакомых мне вельмож остановились в нескольких шагах от меня.

Глядя на ненавистное лицо, я потерял над собой контроль. Отчаянье и обида захлестнули меня. Вполне отчетливо понимая, что делаю, я вытащил из-под ливреи пистолет, хладнокровно прицелился в курносое лицо и спустил курок. Сухо щелкнули кремни. Выстрела не получилось. Я поднес оружие к глазам и разглядел в полутьме, что на полке нет пороха.

Никто ничего не услышал, один император забеспокоился, бросил по сторонам цепкий испуганный взгляд и, оборвав разговор на полуслове, пошел по коридору своей смешной, прыгающей походкой.

Коридор стал пуст. Я сунул за пояс бесполезное оружие и тоже отправился своей дорогой.

Позже, анализируя свой спонтанный поступок, я жалел, что мне не удалось убить русского царя. Погибни император от руки случайного убийцы, у его сына Александра не было бы повода всю жизнь мучиться угрызениями совести за пассивное участие в отцеубийстве.

Он смог бы увереннее проводить либеральные реформы, и кто знает, не удалось бы ему отменить крепостное право на полвека раньше своего тезки и внучатого племянника.

Возможно, тогда не было бы его странной, загадочной смерти в Таганроге, породившей слухи о добровольном отказе от царства, и престол не перешел бы к его младшему брату Николаю I...

Однако история, как известно, не имеет сослагательного наклонения.

Это оставшееся тайным происшествие окончательно выбило меня из колеи. Думаю, что только инстинкт самосохранения не позволил мне в тот день совершить еще какую-нибудь фатальную глупость.

Более или менее я пришел в себя только под мешанским кровом херра и фрау Липпгарт. Попал я в пансион как раз к обеду. Все налиച്ചествующие жильцы собрались за столом, мирно беседовали, и странно было, после всех недавних событий, отвечать на незначительные вопросы и неспешно есть жареную свинину с тушеной капустой.

Марья Ивановна к общему столу не вышла, то ли стеснялась незнакомых людей, то ли неважно себя чувствовала. Мне в тот момент было не до нее, и я ограничился дежурным вопросом: здорова ли она? Хозяйка успокоила меня, что здорова, и я ушел в свою комнату.

За мной увязался коридорный, мальчик лет пятнадцати. Мне было не до кого, но выставить бесхитростного, доброго парнишку не было повода, и пришлось слушать его болтовню.

Впрочем, после первых же слов, разговор стал мне интересен. Коридорный, захлебываясь от ужаса и восторга, начал рассказывать невероятную криминальную историю, о которой толковал весь Петербург.

Мальчик был совсем темный и косноязычно пересказывал невероятные слухи об отрезанной голове какого-то генерала и страшных разбойниках, заполонивших столицу.

Похоже было на то, что история Сил Силыча получила огласку и продолжение.

Более развернутую картину таинственного и страшного преступления поведали за ужином мои квартирные соседи. Тема была сенсационная, скрываема властями, поэтому, как при советской власти, обыватели пользовались исключительно слухами и пересудами.

В городе рассказывали, что полиция арестовала целую банду душегубов, творивших невероятные по кровавой жестокости преступления. Раскрыл эту банду какой-то замечательный полицейский, которого разбойники подвергли страшным истязаниям. После жутких пыток его вместе с верным помощником четвертовали. Однако сильнее страшных подробностей истязаний замечательного полицейского моих соседей потрясло описание несметных сокровищ, награбленных разбойниками. Свидетели рассказывали, что вывозили их из бандитского логова целый день на двенадцати подводах!

– Эх, мне бы тысчонок пятьдесят! – мечтательно проговорил благолепный старичок и смачно причмокнул губами. – Уж я бы...

Его мечте посочувствовали и остальные пансионеры и, забыв про бедолагу полицейского, начали горячо обсуждать, сколько кому необходимо денег для полного счастья. Тема, как водится, оказалась интересной и неисчерпаемой. Быть в одиночестве мне не хотелось и пришлось слушать весь этот вздор и даже посылно участвовать в обсуждении российских мечтаний.

Жило у фрау Липпгарт на пансионе, считая нас с Марьей Ивановной, всего шесть человек. Самым заметным был мечтательный старичок. Был он отставным чиновником, человеком, по многим признакам, весьма состоятельным, но почему-то не живущим своим домом и предпочевшим полный пансион лишним бытовым хлопотам.

Кроме отставного старичка, здесь обитали два ныне служащих мелких чиновника: коллежский и губернский секретари, мужчины уже в возрасте, очень похожие друг на друга, хотя внешне вроде бы совсем различные. Четвертым пансионером был приезжий помещик Курской губернии. Он четвертый месяц ждал решения своей судебной жалобы на самоуправство губернских чиновников в Сенате и томился от вынужденного безделья. Помещику было слегка за тридцать лет, но он успел сильно поседеть и показался мне типичным унылым склочником.

Общаться с Марьей Ивановной, по понятным причинам, я не мог – чувствовал свою вину перед Алей, да и пребывал не в том настроении, чтобы за кем-то ухаживать.

Однако, как ни странно, этой ночью ко мне вернулся оптимизм, и я стал, наконец, «адекватным». Утром, перевязав почти зажившую рану, я отправился в трактир, где недавно провел немало приятных минут в общении с дворцовыми истопниками, помогшими мне проникнуть во дворец и тайные застенки, в которых содержали жену.

Мой давний приятель истопник Евпатий сидел на своем обычном месте и рассказывал невнимательной публике о лидирующем положении печников в Российской государственности. Я присоединился к немногочисленным слушателям и даже принял участие в застолье. Внимательный слушатель вдохновил моего косноязычного друга, и он буквально набросился на меня со своими невразумительными рассказами. Пришлось повторить старый прием, освоенный мной еще в своем старом обличье, – заказать бутылку водки и закуски.

Когда истопник, жадный до халявы, дошел до нужной кондиции, я передал ему привет от его приятеля Алексея. Евпатий искренне обрадовался вести о любимом друге и посетовал, что тот внезапно, не предупредив, куда-то исчез. Из этого я сделал вывод, что истопники меня не предавали, мое посещение дворца никто не вычислил, и попал я в руки следователя Сил Сильча исключительно из-за его преступной корысти.

Для закрепления начинающейся дружбы, я заказал еще одну бутылку водки, и мой истопник окончательно расчувствовался. Несмотря на разницу в возрасте и положении, мы тут же стали закадычными приятелями. Сам Евпатий мне был не нужен, интерес представлял его родственник, старший истопник Иванов, и его близкое знакомство с хитроумной старушкой, Маканьей Никитичной. Эта мудрая женщина всю жизнь прослужила во дворце на самом низу иерархической лестницы, но к старости сумела стать очень влиятельной персоной, знающей многие государственные тайны и пути решения самых сложных интриг.

Когда в трактире появился старший истопник Иванов, его ожидал приятный сюрприз. Его протеже, подчиненный и родственник нашел очередного лоха, готового на халяву поить и кормить двух дворцовых придурков. Конечно, татарский парнишка был неподходящей компанией для двух высокопоставленных персон, но я вовремя высветил свое ордынское княжеское достоинство, и статус-кво был достигнут.

Теперь я по второму разу слушал знакомые до боли рассказы о значимости печного дела в управлении Российской империей. Похоже, что истопники не баловали своих случайных слушателей новыми идеями и различными трактовками своей роли в истории.

Все шло отлаженным порядком, в одних и тех же словах и выражениях. Даже шутки были все те же, обкатанные до полного совпадения интонаций и жестов.

Когда наша дружба окончательно упрочилась, я начал сбивать Иванова с привычной стези печного дела. Удавалось это с большим трудом. Меня интересовали «великосветские связи» истопника. Начали мы, как водится, с первого лица, императора, а кончили искомой старушкой. Иванова, вероятно, удивляла моя заинтересованность такой ничтожной по сравнению с государем персоной, но по скудости ума и под влиянием выпитого он не смог для себя четко сформулировать нелогичность такого странного интереса.

Однако, известно, кто платит, тот и заказывает музыку. Истопник начал рассказывать героическую биографию Макании или Маканьки (как он за глаза именовал великую старуху) и свое решающее влияние на ее судьбу. Я заворожено слушал и сделал вид, что старуха меня так

заинтересовала, что я непременно хочу быть ей представленным. Иванов сгоряча пообещал завтра же нас свести.

Гуляли мы, таким образом, целый день до вечера. Все шло по старому сценарию: истопники напились, как сапожники, а я оставался почти трезвым, так как по слабости здоровья и мусульманскому вероисповеданию почти не употреблял спиртного.

Кончилось это тем, что ночевать мы пошли все вместе, в Зимний дворец.

Глава пятая

Дворцовая прислуга жила довольно далеко от государевых помещений, тем не менее, оба великих истопника во дворце вели себя тихо и смиренно. Павел за шум и пьянство вполне мог отправить и в Сибирь. Особенно он неистовствовал, когда шумели после десяти часов вечера. Мы окольными путями пробрались в помещение для самых незначительных слуг. Здесь, как и в любой людской этого времени, слуги спали как ни попадя, по несколько человек на полатах, лавках и вповалку на полу. Гомосексуальные отношения еще не вошли в моду, и особи одного пола друг на друга внимания не обращали. Мы втроем устроились на полу у стены, хотя Иванов как «обер-истопник» мог претендовать на место на полатах, в более комфортабельном помещении.

Утром, как и положено, слуги разошлись по своим рабочим местам, в людской остались только «зимние» специалисты, которых было довольно много. Лакейская праздность изобретательна на выдумку, и дворня развлекалась, кто во что горазд. Мои истопники страдали от жестокого бодуна, и на мои деньги был послан гонец за опохмелкой. Кроме водки, я поручил ему купить пару бутылок самого лучшего «дамского вина».

Вскоре здоровье Евпатия с товарищами было поправлено, и я едва смог остановить их на грани начала новой пьянки. Опохмеленному Иванову, как он ни выкручивался, пришлось идти на женскую половину, испрашивать аудиенцию у Макании Никитичны. Делать ему это категорически не хотелось. Я заподозрил, что между ними существует довольно большая иерархическая дистанция. Когда я впервые увидел старуху, она от скуки запросто болтала с истопником, но это, скорее всего, было для него редким везением.

Чтобы помочь Иванову преодолеть страх, я налил ему полный стакан водки, и он, как в прорубь головой, бросился исполнять обещание. Находясь я в другом состоянии, мне было бы весьма любопытно понаблюдать за бытом царевой дворни. Теперь было не до того. Я с нетерпением ждал возвращения посла.

Иванов отсутствовал больше часа. Наконец, когда я уже отчаялся его дождаться, он вернулся с торжествующей ухмылкой.

– Я тебе что говорил? Я тебе, брат, не какой-нибудь! У меня не пошалишь! Ты чего это расселся, Макашка ждать не любит.

Я торопливо встал, спрятал под поношенную ливрею бутылки с «дамским вином» и поспешил за послом на женскую половину. Идти было всего ничего, в соседнее крыло, и вскоре мы уже входили в комнатку Макании Никитичны. Жила она одна в комнате метров десяти, что для дворца, да еще человека ее статуса, было делом почти исключительным.

Мы вошли в тесный покой, и я, изысканно, по моде этого времени низко поклонился. Маканья Никитична сидела в стареньком кресле в позе Екатерины Великой с парадного портрета Федора Рокотова. Иванов заискивающе затараторил, представляя меня. Старуха благосклонно выслушала в исполнении истопника мою ордынскую байку и по-царски протянула для поцелуя руку. Я почтительно приложился к ее трудовой длани.

– Можешь сесть, князь-мирза, – разрешила старушка и указала на высокий стул.

– Не сочтите за невежливость, Маканья Никитична, исключительно из глубокого к вашей милости уважения, а также для улучшения пищеварения, – витиевато произнес я, вытаскивая из-за пазухи бутылки с вином.

– Это совсем лишнее, – царским жестом остановила она меня, когда я попытался поставить сосуды на стол.

Однако я не послушался и с поклоном избавился от вычурных бутылок толстого стекла.

– Не извольте гневаться, государыня, примите от чистого сердца, в дань глубокого почтения, как персона величественная!

С лестью бороться много сложнее, чем с грубостью, и не многие владеют такой редкой способностью.

– Ну, ладно, приму, только чтобы тебя князь-мирза не обидеть, – решила, наконец, старуха и попросила сенную девушку, стоящую тут же у дверей, принести лафитники и закусу.

Пока девушка хлопотала, я раскупорил бутылки. Мы выпили по половине рюмки для пробы. Вино, по мнению хозяйки, оказалось хорошим, и старуха это оценила. Глаза ее озорно блеснули, и она велела прислуживающей девочке накрыть стол.

Не знаю, что наговорил про меня Иванов, когда уговаривал Маканью Никитичну даровать мне аудиенцию, но вела она себя по-светски. Мы с ней опять чокнулись, выпили сладкого вина, закусили пряниками и заговорили о погоде.

Не приглашенный к столу истопник, вроде как оказавшийся не в доле, начал натужно кашлять и прозрачно намекать на свою простуду и общую слабость здоровья. Старуха поняла намек, благосклонно кивнула на пустой лафитник и разрешила ему принять участие в банкете. Жаждавший Иванов, поправ нормы этикета, взял на себя роль тамады, и вино очень быстро кончилось.

Мне пришлось предложить ему же сходить за подкреплением. Однако рачительная хозяйка взяла дело в свои умелые женские руки и послала давешнюю девчонку в какую-то ресторацию, откуда та принесла целую корзину яств и спиртного. Разумеется, за мой счет.

Маканья Никитична оказалась не душой выпить, причем очень уверенно держала градус. «Именины сердца» начали набирать обороты.

Постепенно «на огонек» сошлись Маканины подружки, женщины достойного возраста, и у нас вышло знатное застолье.

Меня воспоминания бабушек о прошедшей молодости и спонтанно вспыхивающие запевки не интересовали. Однако приходилось терпеть и активно участвовать в общем веселье. Обстановка никак не складывалась для доверительного разговора, хотя выпито было уже изрядно.

Вскоре пришлось опять посылать давешнюю девчонку в ресторацию. Однако это было уже явно лишним. Подвыпившие подружки, не выдержав взятого темпа, начали засыпать сидя, а потом и вовсе разбрелись по своим углам. Я же все не мог найти случая завести разговор на интересующую меня тему.

После подружек сломался истопник, принявший на вчерашние дрожжи и утреннюю опохмелку слишком много разных напитков, потом начала на полуслове задремывать и сама Маканья Никитична. Я держался исключительно благодаря нервному напряжению, когда человека не берет никакое вино. Вскоре старуха совсем сомлела и заснула в кресле. Нужно было уходить, а я так ничего и не выяснил. Осталось надеяться, что свидание удастся повторить. Я встал. Неожиданно Маканья Никитична открыла глаза и почти трезво посмотрела на меня.

– Уходить собрался? Ну, князь-мирза, спасибо тебе за угощение. Потешил старуху. Давно так лепо не веселилась. Теперь говори, что тебе от меня надобно.

Я замялся, не зная, как начать разговор, потом, спонтанно, решился пойти на риск:

– Куда делась девка с которой ты жила?

Старуха такому вопросу удивилась и не удержалась полюбопытствовать:

– А тебе что за дело до нее?

– Люба она мне, – просто ответил я.

– Так ты же басурманин, а она православной веры.

– Ради нее крещусь!

– Ишь ты! Так, значит, сильно любя!

– Так!

Маканья Никитична задумалась. Возможно, мужчину такой аргумент как любовь мог бы не убедить, но хозяйка была женщиной, причем старой и мудрой.

– Ладно, обскажу, что знаю. Прогневил твоя девка чем-то царя-батюшку. Чем не ведаю, да она и сама того не знает. Не наше бабье дело в такие дела вникать. Меня к ней приставили, чтобы выпытала про ее тайные замыслы. Только или я дура, или никакой крамолы у той Алевтинки на уме нет. Простая девка, не нравная. Так я царскому брадобрею, графу Кутайсову и сказала. Он из ваших, из басурман будет. Пленный турка. Пришелся по сердцу царю-батюшке, тот его до себя и возвысил и титулом наградил. Граф-то, видать, царю-батюшке и обсказал все как есть. Тогда ее из дворца-то и отослали.

– Так она жива?!

– Жива, конечно, чего ей, толстопятой, сделается!

– Куда отослали-то? – сдерживая готовое выскочить из груди сердце, спросил я. Главное было в том, что с Алей ничего плохого не случилось.

– Это мне не ведомо. Мне о том и знать-то не положено.

– А как ее здоровье?!

– При мне не болела. Ты хоть знаешь, что она тяжелая?

– Знаю.

– Никак, сам и нашкодил?

Я кивнул. С души упал тяжелый камень. Мне захотелось расцеловать старуху за добрую весть.

– Ай, девка, ай, срамница! – продолжала хозяйка. – С басурманом спозналась! Удивил ты меня, князь-мирза, Что значит любовь! Вон на какие расходы пошел! – Старуха кивнула на остатки пиршества.

– Что расходы! Вы можете узнать, куда ее отослали? Я за деньгами не постою. Вот вам сто рублей на пряники, а как узнаете, еще два ста дам.

Я вытащил из кармана приготовленную сотню и подал хозяйке. Маканья Никитична внимательно посмотрела на меня, на ассигнацию и вернула ее назад.

– Не смогу того узнать. Это сам царь-батюшка ведает, один-два вельможи и тот, кто ее отвозил. Только, боюсь, никто ничего не скажет.

– Вы Алевтинку когда в последний раз видели?

– Почитай, дня четыре прошло. Когда ее в карету сажали. Она мне гостинчик грозила прислать, когда своего суженного встретит. Видишь, как судьба распорядилась... Я тебя раньше нее встретила и обещанный гостинец получила.

– Какой это гостинец... Оставьте деньги себе и купите, что потребуется. В память об Алевтине.

– Коли так, приму. Я Алевтинку твою полюбила. Она девка хорошая, хоть с басурманом в грехе жила. Ну да, один Бог без греха. Иди себе, коли что узнаю, весточку дам.

Нервное напряжение прошло, и я почувствовал насколько пьян. До людской, где храпели обер-истопник и обиженный пренебрежением к своей персоне Евпатий, мне удалось добраться исключительно на «автопилоте». Растолкав их, я упал, как подкошенный, и без просыпу спал до следующего полудня. Пробудившись, распрощался с собутыльниками и вернулся в свой пансион. Там было по-утреннему тихо и скучно. В общей столовой сидел старичок-чиновник и читал священное писание.

Марья Ивановна встретила меня любезно, но немного напряженно. У нее были для этого основания. У меня никак не хватало на нее ни времени, ни душевных сил. Она слабо улыбнулась, когда я вошел в ее комнату, и поинтересовалась, почему я не ночевал в пансионе. Пришлось соврать, что не успел вернуться домой до отбоя и переночевал у знакомых. Она никак это не прокомментировала, только кивнула головой. Потом я спросил, нет ли вестей от ее брата. То, что нас с ней он и его банда просто так оставят в покое, было весьма сомнительно. Бригадирская дочь молча покачала головой.

Не успел я уйти к себе, как к Марии зашла фрау Липпгарт с подвязанной платком щекой и пожаловалась, что у нее очень сильно болит зуб. Вопрос был для меня решаемый, и я взялся за лечение. После пятиминутного сеанса боль у нее прошла. Немка была в полном восторге и пообещала к ужину в мою честь испечь пирог с капустой. Вечером к столу собрались все пансионеры.

Впервые с тех пор, как мы поселились в пансионе, к обществу присоединилась Марья Ивановна. Я за своими проблемами почти не видел ее, обделял вниманием и теперь был приятно удивлен, как отлично она выглядит. Никаких планов относительно наших особых отношений у меня не было. Случай, когда мы чуть не стали близки, вспоминался как наваждение. Она была, безусловно, очень интересной женщиной, и в другое время я не упустил бы шанса поухаживать за ней, но теперь жил только мыслями об Але, и другие привязанности не вмещались в мою жизнь.

После окончания восторгов по поводу моих медицинских талантов и качества капустного пирога, разговор сделался общим. Пансионеры продолжили обсуждение убийства Сил Сильча. Слухи превратили мое непреднамеренное преступление в настоящий миф. По рассказам соседей, весь город продолжал сплетничать по поводу несметных сокровищ конфискованных полицией. Вскрылось много новых подробностей, к ним прибавились домыслы, и все это приобрело совершенно фантастический вид.

Я, как самый молодой, скромно сидел и молча слушал рассказы опытных людей о страшных, неуловимых разбойниках, тысячах жертв, личном участие государя в разбирательстве этого поразительного уголовного дела. Ничего даже отдаленно напоминающего правду в этих слухах не было – обычный вздор, которым обрастает любой неординарный случай. Больше всех почему-то горячился курский помещик, которому до преступлений, совершенных в столице, по моему мнению, никакого дела не было. Он так красочно живописал подвиги полиции, как будто сам принимал участие в этом беспримерном расследовании.

– И много поймали разбойников? – поинтересовался я.

– Больше ста человек, – сообщил курянин, – всех в кандалах отправляют в галерах по Неве и содержат в Шлиссельбургской крепости.

– Удивительное дело! – поразился я. – Кто бы мог подумать, что в столице под надзором полиции орудует такая вольница! Теперь и спать-то, поди, будет страшно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.